

Кэти Андреес

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я НАРИСУЮ
на тебе
СВОЕ ИМЯ

Кэти Андрес

Я нарисую на тебе свое имя

«Автор»

2026

Андрес К.

Я нарисую на тебе свое имя / К. Андрес — «Автор», 2026

Правило взрослой жизни: никогда не соглашайтесь на эксперименты с «согревающей» смазкой. Именно из-за нее я оказалась на приеме у дерматолога. Звучит не так страшно, если не знать двух вещей. Во-первых, химический ожог у меня в самом пикантном месте. Во-вторых, мой врач — Григорий Разумовский. Гениальный, циничный и до неприличия красивый сноб, рядом с которым моя гордость машет белым флагом. Он прописал мне строгий покой, бабушкины хлопковые трусы и запрет на личную жизнь. Он бесит меня своей идеальностью, отчитывает, как девчонку, и, кажется, вообще не переносит прикосновений. Но почему тогда этот ледяной доктор вдруг появился ко мне домой?

© Андрес К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОТ АВТОРА	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	56
Глава 14	58
Глава 15	63
Глава 16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кэти Андрес

Я нарисую на тебе свое имя

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОТ АВТОРА

Внимание!

Все события и персонажи в этой книге — чистый художественный вымысел, а любые совпадения случайны.

Пожалуйста, помните, что вы читаете романтический роман, а не медицинский справочник!

Все диагнозы, схемы лечения и врачебные манипуляции созданы автором исключительно ради сюжета.

Автор настоятельно не рекомендует повторять эксперименты героини с косметическими средствами без чтения инструкции!

При возникновении реальных проблем со здоровьем обращайтесь к настоящим врачам, а не пытайтесь лечиться по советам выдуманных книжных красавчиков

История написана исключительно для вашего развлечения, смеха и бабочек в животе!

ПОЕХАЛИ!

Глава 1

Виолетта

— Ну, что там? — спрашиваю подругу, с замиранием сердца глядя, как ее лицо искажается гримасой искренней брезгливости.

Лежать перед Машкой в позе распластанной лягушки было тем еще испытанием для моей гордости, но паника оказалась сильнее стыда.

— Ну... — тянет она, щурясь так, будто разглядывает место преступления. — Это... Господи, Ви, это просто мрак.

— Все так плохо?

— Это отвратительно, — выносит вердикт подруга, выпрямляясь. — И дело не в том, что я сейчас смотрю на твою «прелесть», а в том, что там всё... — она неоднозначно взмахивает руками в воздухе и громко выдыхает. — Всё в пятнах, сыпи и опухло. Так однозначно быть не должно.

Я резко встаю с кровати и судорожно свожу ноги вместе, чувствуя, как щеки заливают краской.

— Настолько?

— И даже больше.

Закрываю лицо руками.

Хочется просто провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе или отмотать время на неделю назад и никогда не отвечать на сообщение этого придурка.

— Этот урод точно меня чем-то заразил! — скулю сквозь пальцы.

— Однозначно.

Убираю руки и смотрю на нее. В глазах щиплет от подступающих слез обиды и страха.

— Маш?

— А?

— Ты мне подруга или кто?

— Была бы «или кто», в жизни бы не стала смотреть на твою промежность.

С мучительным стоном падаю обратно на кровать, раскинув руки. Потолок расплывается перед глазами.

— Это точно конец. Моя личная жизнь официально завершена, даже не успев нормально начаться.

Машка со вздохом падает рядом на матрас и бросает мне на бедра подушку, милосердно прикрывая пострадавшую «прелесть».

— Сходи к гинекологу, подруга, и не скули раньше времени, — она хлопает меня по плечу. — Может, просто натерла.

Поворачиваю голову и смотрю на нее тяжелым, немигающим взглядом.

— Ты думаешь, ТАК — натирают?

Машка поджимает губы, честно обдумывая мой вопрос, и наконец качает головой:

— Нет. ТАК не натирают.

К моему постоянному гинекологу, Елене Павловне, я влетела через два часа, чудом вымолвив в регистратуре «окошко» по острой боли.

Елена Павловна была женщиной с двадцатилетним стажем. Я была уверена, что за годы работы в женской консультации она видела всё: от забытых тампонов до экзотических инфекций, привезенных с курортов. Удивить ее казалось невозможным.

До этого момента.

— Так, Виолетта, сползаем ниже, к самому краю, — привычно скомандовала она, когда я вскарабкалась на кресло-вертолет и дрожащими ногами уперлась в холодные подставки. Расслабляемся...

Она включила свою яркую лампу на гибкой ножке, направила свет куда надо, придвинулась на стульчике и осеклась.

Повисла гробовая тишина. Я услышала, как врач сделала резкий вдох, а затем тяжело, с присвистом, выдохнула.

— Мать божья... — тихо пробормотала Елена Павловна, забыв про врачебную этику. Мое сердце рухнуло куда-то в район желудка и там остановилось.

— Это сифилис? Я сгнию? Елена Павловна, только честно!

— Спокойно, — врач мгновенно взяла себя в руки, хотя ее брови все еще прятались где-то под медицинской шапочкой. Она надела вторую пару перчаток. — Сифилис так быстро не цветет. Но картина, прямо скажем, впечатляющая. Жжет?

— Невыносимо.

— А чешется?

— Если бы я не боялась стереть там всё до костей, я бы чесалась не переставая! Это началось вчера вечером, а сегодня утром я проснулась, пошла в душ и чуть в обморок не упала. Что это?!

Елена Павловна осторожно, едва касаясь, провела ватной палочкой по воспаленной коже. Я зашипела сквозь зубы.

— Так, половым путем здесь пахнет едва ли, — задумчиво протянула она, отодвигаясь и стягивая перчатки. — Одевайся, Виолетта. И рассказывай. Был контакт?

— Был, — я сползла с кресла, чувствуя себя так, словно меня только что пропустили через мясорубку.

— Презерватив использовали?

— Конечно!

— Какой? С пупырышками, с анестетиком? Смазку дополнительную брали? — гинеколог строчила что-то в карте, поглядывая на меня поверх очков.

— Ну... — я замаялась, натягивая белье с такой осторожностью, будто это была колючая проволока. — У него была какая-то своя смазка. Согревающая. С ароматом корицы, кажется. И презервативы какие-то модные, цветные.

Елена Павловна остановила ручку и посмотрела на меня долгим, выразительным взглядом.

— Корица. Согревающая. Модные презервативы, — медленно повторила она. — Поздравляю, Виолетта. Твой кавалер — идиот, а у тебя — жесточайший острый аллергический контактный дерматит. И, судя по отеку и гиперемии, вдобавок еще и химический ожог слизистой от этой самой «согревающей» дряни.

Я моргнула.

— Дерматит? То есть... это не инфекция?

— Я возьму мазки ПЦР для твоего успокоения, но на 99 процентов уверена, что это острая аллергическая реакция, — она оторвала листок от блока и начала быстро писать. — Кожа просто взбесилась. Нарушен эпидермальный барьер, пошел сильнейший отек.

— И что мне делать? Выписывайте свечи, мази, я куплю всё!

— Нет, моя дорогая, — гинеколог покачала головой. — Тут я умываю руки. Я лечу женскую флору. А у тебя проблема сугубо по части дерматологии. Причем проблема серьезная, запущенная. Обычными мазями тут не обойдешься, нужно подбирать гормональную и снимать отек, пока не пошли язвы. Тебе нужен узкий специалист.

Она протянула мне листок.

— Иди к Разумовскому.

Я тупо уставилась на бумажку, где размашистым врачебным почерком было выведено:
«Клиника кожных патологий. Разумовский Г.В.»

— А в нашу поликлинику к дерматологу нельзя?

Идти к какому-то светиле и показывать ему *этомне* совершенно не хотелось.

Елена Павловна усмехнулась.

— В нашей поликлинике дерматолог тебе зеленкой помазать посоветует. Иди к Григорию Васильевичу. Он врач от бога. Будет смотреть тебя так, словно ты хрустальная ваза. Мужик суровый, педант страшный, но кожу спасет. Записывайся на сегодня, скажешь, от меня по острой необходимости.

Спрятала направление в сумку, чувствуя, как внутри всё сжимается от перспективы снова лезть на кресло перед незнакомым мужиком.

— Спасибо, Елена Павловна.

— Иди-иди, — махнула она рукой. — И выбросьте вы эти согревающие смазки! Тоже мне, экспериментаторы...

Глава 2

Стоять ровно было физически невозможно.

Я застыла посреди коридора элитной клиники, широко расставив ноги, словно ковбой, готовящийся к дуэли. Правая нога жила своей жизнью, монотонно отбивая каблуком по идеально залитому глянцевому полу: *тук-тук... тук-тук...*

От нервов я начала остервенело грызть ноготь большого пальца, попутно мысленно проклиная саму себя.

Маникюр был совсем свежим, сделанным только позавчера.

Зараза! Да сколько там можно возиться?!

Я бросила полный отчаяния взгляд на часы. Прошло уже тридцать минут моего ожидания под дверью с табличкой «Разумовский Г.В.». Тридцать минут сущего ада, в течение которых мне казалось, что на мне надето белье из стекловаты.

И ровно в тот момент, когда я была готова взвыть, дверь кабинета наконец-то открылась.

В коридор вышла ухоженная женщина лет пятидесяти. Следом за ней раздался мужской голос — глубокий, бархатистый, с такими успокаивающими интонациями, что у меня по спине пробежали мурашки:

— ...и не забывайте про SPF-защиту, Инна Викторовна. Никакого открытого солнца в ближайшие две недели, иначе пигментация вернется. Мазь наносите строго на ночь. До свидания.

А затем в дверном проеме появился он сам.

Мое сердце споткнулось, а челюсть предательски поползла вниз.

Ну нееет... Ну почему? По-че-му он такой красавчик?! Вселенная, ты что, издеваешься надо мной?

Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем белоснежном халате и темных брюках. Темные волосы чуть тронуты небрежностью, а на лице — выражение абсолютного, непрошибаемого спокойствия.

Он окинул взглядом пустой коридор, затем его глаза остановились на мне. На моей нелепой ковбойской стойке и пальце во рту.

— Вы по *сито*? — вдруг спросил доктор, чуть приподняв бровь.

— А? — вытащила палец изо рта, чувствуя себя полной идиоткой.

— По срочному талону?

— Да. У меня это... боли.

Он чуть сощурил свои темные глаза, сканируя меня с ног до головы, и коротко кивнул вглубь кабинета:

— Проходите.

Я на негнущихся, широко расставленных ногах поплелась следом за ним.

Кабинет был огромным, светлым и пах... ментолом?

Разумовский обошел стол, опустился в свое кресло и тут же уставился в монитор компьютера, даже не глядя на меня.

— Фамилия, имя, отчество?

— Ланская Виолетта... Максимовна.

В кабинете повисла тишина, прерываемая только быстрыми, ритмичными щелчками клавиатуры. Он печатал. А я стояла посреди кабинета, боясь даже присесть на стул для пациентов, потому что любое соприкосновение с поверхностью грозило мне искрами из глаз.

Я переступила с ноги на ногу, смотрела на его идеальный профиль, на длинные пальцы, порхающие по клавишам, и паника накатывала на меня удушливой волной.

Как я ему это покажу?

Как я вообще скажу вслух, что у меня там... пожар?

Может, сбежать, пока не поздно?

Купить таз, налить туда ромашки и сидеть до скончания веков?

Разумовский медленно повернулся ко мне.

— Слушаю.

Я сглотнула.

— Виолетта... — он скосил глаза на монитор.

— Просто Виолетта.

— Хорошо, просто Виолетта. С чем ко мне пришли?

Я зажмурилась, набрала в грудь побольше воздуха и выпалила на одном дыхании:

— Жжется, чешется, болит и опухло всё.

Он молчал.

Молчала и я.

Мы смотрели друг на друга секунды три.

— Где жжется, чешется, болит и опухло всё?

Он издевается, что ли?

— Я была у своего гинеколога, у Елены Павловны и она отправила меня к вам, сказав, что вы — лучший.

Смотрю на его лицо, ожидая хоть какой-то реакции, но ни один мускул не дрогнул.

— И она права.

Он плавно поднялся из-за стола, указав рукой куда-то мне за спину.

— Что ж. Раздевайтесь, ложитесь на кушетку.

Я округлила глаза, вцепившись пальцами в ремешок сумки.

— Зачем?

Вопрос был феноменально тупым, но он вырвался сам собой.

Разумовский остановился. Он был выше меня на целую голову. Склонив голову набок, он посмотрел на меня сверху вниз, словно на очень сложного, но не слишком сообразительного ребенка.

— Я правильно же вас понял, что жжется, чешется, болит и опухло всё у вас *именно там*?

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули так сильно, что могли бы осветить этот кабинет без электричества.

— Да, — процедила сквозь стиснутые зубы.

Доктор Разумовский развел руками в стороны.

— Рентгеновского зрения у меня нет. Так что прошу.

Я на деревянных ногах доковыляла до кушетки. Раздеваться перед этим мужчиной было сродни пытке, но зуд напоминал о том, что гордость сейчас неуместна. Кое-как стянув с себя шорты и белье, я забралась на дерматиновую поверхность и судорожно попыталась натянуть край короткой футболки как можно ниже.

Разумовский подошел ближе. Паника накрыла меня с головой.

— А... скажите, у вас в клинике нет женщины-врача?

Он остановился.

— Женщины-врача?

— Ну да! Пусть бы она посмотрела, а вам потом на словах рассказала, как там всё... выглядит. И вы бы назначили лечение!

В глазах Разумовского мелькнуло что-то отдаленно похожее на снисхождение.

— Нет. Сегодня в смене только я, но если я вас так смущаю, могу направить вас к Александру Борисовичу. В соседний кабинет. Ему шестьдесят два, он отличный специалист с огромным опытом.

Перед внутренним взором тут же нарисовался образ пузатого дедушки с лупой в руках, который кряхтя склоняется над моей пострадавшей зоной бикини.

— Еще не хватало мне старого извращенца... — в ужасе мотнув головой, пробормотала я.

И тут же мысленно отвесила себе звонкую оплеуху. Блин.

Бровь Разумовского медленно, очень выразительно поползла вверх.

— Значит, молодой извращенец вас устроит больше?

Вскинула на него ошарашенный взгляд, чувствуя, как краснею уже не только лицом, но и всем телом.

— А вы извращенец?

Уголок его губ дрогнул в едва заметной, дьявольски привлекательной усмешке.

— Ну, судя по тому, с какой легкостью вы только что наградили этим клеймом моего уважаемого коллегу — видимо, да. Выбора у вас всё равно нет, Виолетта. Придется довериться мне.

Лежу на кушетке, пока у меня между ног находится охренительно сексуальный мужчина. Вот только повод совсем не тот, и мне ужасно неловко.

— Елена Павловна сказала, что это не венерическое. Сто процентов, — зачем-то выпаливаю я.

Приподнимаю голову и смотрю на мужчину. Он медленно поднимает взгляд, и мы встречаемся глазами.

Матерь божья... А глаза-то у него какие! Не темные, как мне показалось в коридоре, а зеленые, с глубокой темной окантовкой радужки. И такие густые, длинные ресницы, что внутри шевельнулась чисто женская зависть.

Вот бы мне такие — не пришлось бы время и деньги тратить на наращивание.

— Я вижу.

— Ну, раз видите, сделайте что-нибудь! Или так и будете смотреть? — цежу сквозь зубы, сгорая от стыда.

— Пожалуй, еще посмотрю, — невозмутимо парирует он и снова опускает взгляд.

Всё мое нутро кричит благим матом, что этот невероятно, потрясающе сексуальный... подлец! Да, подлец! Он сейчас просто издевается надо мной. Это вообще профессионально?! Он же врач!

Пока я мысленно предаю его анафеме, Разумовский тянется к металлическому столику. Сухой треск вскрываемой бумажной упаковки бьет по натянутым нервам. Он методично натягивает тонкие синие перчатки. Раздается тихий, влажный хлопок резины, от которого у меня почему-то перехватывает дыхание.

— Я смотрю, Виолетта, не из праздного любопытства. Мне нужно оценить границы эритемы, глубину поражения тканей и понять, пошли ли микротрещины по слизистой.

Он придвигается чуть ближе. Я рефлекторно дергаюсь назад, но он кладет руку в перчатке мне на внутреннюю сторону колена.

— Не дергайтесь. Я буду предельно осторожен.

Его тон не терпит возражений. Он аккуратно, но уверенно разводит мои ноги чуть шире, и я впиваюсь ногтями в края дерматиновой кушетки, зажмурившись до цветных пятен перед глазами.

Его прикосновения... это нечто невообразимое. Несмотря на мои страхи, он не причиняет боли. Его пальцы скользят по воспаленной коже невесомо, едва касаясь, но каждое это легкое движение отзывается во мне настоящим электрическим разрядом. Острое жжение от аллергии вдруг смешивается с чем-то совершенно иным — с горячей, тяжелой пульсацией, от которой низ живота сводит тягучим спазмом.

— Больно? — тихо спрашивает он, проводя большим пальцем по самому краю бедра.

— Г-горит.

— Неудивительно. Острая токсико-аллергическая реакция. Контактный дерматит. Смазка?

— Да. Согревающая, — с трудом заставляю себя открыть глаза.

Разумовский вздыхает.

— Маркетологи, которые пишут на этикетках слово «согревающая», должны гореть в аду, — абсолютно серьезно произносит он, беря со столика стерильную ватную палочку. — А мужчины, которые применяют это на нежной женской коже без предварительного теста — вместе с ними.

От того, что он назвал мою кожу *нежной*, сердце делает кульбит.

— Потерпите, Виолетта. Еще пара секунд, — его голос действует гипнотически. Он обволакивает, заставляет расслабиться и довериться. — Вы получили химический ожог. Эпидермальный барьер полностью разрушен. Язв, к счастью, пока нет, но отек критический.

Он бросает ватную палочку в лоток. Раздается звук стягиваемой резины — он снимает перчатки и бросает их в мусорное ведро.

— Всё, — Разумовский поднимается со стула, мгновенно возвращая между нами дистанцию, и отворачивается к раковине. Включает воду, тщательно моя руки. — Можете одеваться. Жду вас за столом. Будем тушить ваш пожар.

Я сползаю с кушетки, чувствуя себя так, словно пробежала марафон. Ноги дрожат. Я натягиваю белье и шорты с максимальной осторожностью, исподтишка поглядывая на широкую спину доктора.

Он вытирает руки бумажным полотенцем, садится в свое кресло и берет ручку. Его лицо снова непроницаемо. Халат застегнут. Идеальный, холодный профессионал. И только я знаю, какими осторожными и обжигающими могут быть его руки.

— Присаживайтесь, Виолетта, — он кивает на стул напротив себя. — Лечение будет комплексным. И я категорически запрещаю вам любые эксперименты в ближайшие две недели. Поверьте, вашей коже сейчас нужен только покой.

Опускаюсь на краешек стула.

— Две недели?

Уголок его губ едва заметно дергается вверх — то ли в усмешке, то ли мне показалось.

— Как минимум. И да, я выпишу вам мазь. Ее нужно будет наносить два раза в день.

Он ручку и пододвигает к себе рецептурный бланк, а я начинаю нервно ерзать на краешке стула. Внутри зудит самый главный, жизненно важный вопрос, но как его задать этому идеальному мужчине, я понятия не имею.

— А это... — сглатываю и неопределенно кручу кистью в воздухе. — Ну...

Разумовский перестает писать. Он медленно поднимает голову, и его пронзительный взгляд фокусируется на моем лице.

— Я слушаю.

— Там... всё заживет? — мнусь, сцепив пальцы в замок. — Ну, то есть... будет выглядеть нормально? А то сейчас это всё как-то...

— Эритема и отек спадут, ткани полностью регенерируют, — профессионально, как по учебнику, отчеканивает он. — Эстетический вид придет в норму.

— Нет, вы не понимаете! Я же видела это утром в зеркало! Сейчас это не просто «отек»! Сейчас моя... э-э-э... прелесть выйдет так, словно Хищник из фильма снял маску, попытался сожрать дикобраза, но подавился кипящим соусом табаско и чихнул! Вывернувшись при этом наизнанку!

В огромном светлом кабинете повисает звенящая, оглушительная тишина.

Разумовский замирает. Он даже не моргает. Его идеальное лицо, до этого не выражавшее ничего, кроме холодного профессионализма, сейчас выглядит так, словно в его гениальном мозгу произошел сбой системы и выскочил синий экран смерти.

Он смотрит на меня секунду. Две. Три.

Я мысленно бью себя по лбу, мечтая провалиться сквозь пол прямо в преисподнюю.

Ну кто, скажите на милость, несет такую чушь на приеме у светила дерматологии?!

Наконец, доктор медленно опускает ручку на стол. Он прочищает горло, и я клянусь, что вижу, как дрожит уголок его губ — на этот раз уже по-настоящему.

— Медицина шагнула далеко вперед, Виолетта Максимовна, — произносит он своим бархатным голосом, в котором теперь явственно слышится сдерживаемый смех. — Я даю вам слово врача. Мы спасем вашего... подавившегося Хищника. И вернем ему первозданный вид.

Глава 3

Из клиники я выхожу с семнадцатью пропущенными от мамы и таким выражением лица, будто только что прошла ускоренный курс «Как потерять остатки достоинства за сорок минут».

Между ног по-прежнему печет. Но теперь у меня есть официальное медицинское подтверждение, что я не умираю от экзотической заразы, а просто оказалась идиоткой, позволившей какому-то придурку подойти к себе с коричной «согревающей» дрянью.

Умирать от стыда, конечно, всё еще можно. Но это хотя бы не инфекция.

Телефон снова вибрирует.

Мама.

Господи, только не сейчас. Сбрасываю звонок и тут же получаю сообщение:

Мама: *Почему ты не берешь трубку? Я волнуюсь. Ты жива? Если жива, поставь плюсик.*

Следом прилетает голосовое от Машки.

— Ви, если ты не ответишь в течение пяти минут, я решу, что врач тебя похитил, увез в подвал и лечит народными средствами.

Шутка так себе.

Фыркаю, морщусь от неприятного тянущего ощущения и, широко расставив ноги, как после конной прогулки по пересеченной местности, плетусь к парковке.

По дороге успеваю завернуть в аптеку. Там меня добивает девочка-провизор с идеальной косой и безжалостно свежим лицом.

— Вам всё по списку? — вежливо спрашивает она, пробивая препараты.

— Нет, еще новые трусы, новое тело и возможность никогда больше не встречаться с мужчинами.

Она моргает.

— Простите?

— По списку, — вздыхаю. — Всё по списку.

Девочка складывает мазь, антигистаминное, мягкий гель для интимной гигиены без отдушек и какую-то заживляющую эмульсию в пакет, а потом добивает контрольным:

— Консультация по применению нужна?

Я смотрю на нее так, словно она предложила мне публично продемонстрировать способ нанесения прямо здесь, у витрины с витаминами.

— Нет, спасибо. Я как-нибудь... интуитивно.

Из аптеки выхожу с таким видом, будто отвоевала Сталинград. Следующая остановка — магазин белья. Потому что доктор Разумовский, этот высокомерный, невыносимо красивый сатана в белом халате, отдельной строкой велел мне «только хлопковое белье, никаких стрингов, кружев и синтетики».

Мои любимые черные кружевные комплекты мысленно встают у стены и играют траурный марш.

Через двадцать минут я становлюсь счастливой обладательницей трех пар совершенно антиэротичных хлопковых трусов телесного цвета. Такие носят либо бабушки, либо женщины после тяжелой операции, либо я — после знакомства с ароматом корицы.

Мир умеет унижать изысканно.

Моя квартира встречает меня тишиной, запахом засохшей ванили от диффузора и родным полумраком.

Дом милый дом.

Моя маленькая, съемная, уютная однушка на двенадцатом этаже не имеет ничего общего с дизайнерскими картинками из интернета. Здесь нет мраморных столешниц, золотых смесителей и идеального света, который делает даже пачку соли эстетичной.

Зато есть старый дубовый паркет, скрипящий в трех местах, фисташковые стены на кухне, желтый холодильник, который я однажды импульсивно купила на распродаже и потом два месяца ела гречку, чтобы закрыть кредитку, и мой любимый угол у окна.

Там стоит высокий стеллаж с книгами, маленький диван, заваленный подушками, торшер с теплым светом и низкий столик, на котором вечно живут кружка, ноутбук, наушники и какая-нибудь открытая книга, которую я «читаю параллельно». Обычно это означает: читаю первые сорок страниц, потом забываю, начинаю заново.

В другой части комнаты — моя гордость. Маленькая домашняя студия. Хороший микрофон на стойке, акустические панели на стене, ноут с программами для монтажа и неоновая табличка **ON AIR**, которую мне подарили слушатели на день рождения. Горит она, как мое самолюбие после сегодняшнего осмотра: ярко и бессмысленно.

На подоконнике стоят мои растения — монстера Варвара, кактус Олег и фикус, которого я назвала Антоном просто потому, что у него, как и у моего бывшего, вечно опадают листья при первых признаках ответственности.

— Ну что, ребята. Вашу хозяйку чуть не добила интимная промышленность.

Олег молчит. Варвара осуждает.

Я иду в ванную, умываюсь прохладной водой и смотрю на себя в зеркало. Вид у меня такой, будто я сутки плакала по дальнобойщику, который ушел к продавщице шаурмы.

И, что самое ужасное, в голове снова всплывает лицо Разумовского.

Нормально вообще — испытывать смущение и бабочки при мысли о мужчине, который полчаса назад рассматривал твою опухшую промежность в медицинской лампе?

Нет. Ненормально.

Поздравляю, Виолетта. Даже в состоянии ожога ты умудрилась вляпаться в идиотскую симпатию. Аплодисменты.

Телефон снова звонит. На этот раз мама добивает уже видеозвонком.

Я с обреченным стоном нажимаю «принять», отвернув камеру в потолок.

— Виолетта! — тут же раздается возмущенный голос. — Почему я вижу люстру?

— Потому что я не в форме для широкого проката, мам.

— Я тебе десятый раз звоню! — наезжает она. — Уже думала, тебя машина сбила, телефон украли, или ты снова потеряла зарядку и решила, что мать как-нибудь переживет.

— Мам, я была у врача.

Пауза.

— Что случилось? — ее тон меняется мгновенно. — Ты заболела? У тебя температура? Голос какой-то измученный.

Я сажусь на край кровати очень осторожно, как сапер на минное поле.

— Всё нормально. Ну... относительно. Женское.

Мама молчит две секунды. Потом драматично ахает.

— Что значит — женское?

— Мам, ну женское и женское.

— Это серьезно?

— Нет.

— А если честно?

— Ну... неприятно.

На заднем фоне слышится папин голос:

— Кто там?

— Вилка, — отвечает мама.

— Ви-о-ле-тта, — механически поправляю я.

— Для меня ты Вилка. Что у тебя?

— Да всё со мной нормально!

Папа, видимо, подходит ближе, потому что его бас становится отчетливее:

— Дочь, ты деньги не эконошь, если что-то надо — говори сразу.

И вот в этом весь мой папа. Мама сначала накрутит себя до уровня вселенской катастрофы, папа молча поднесет кирпич, цемент и карточку, потому что любые проблемы, по его мнению, либо чинятся, либо оплачиваются.

— Ничего не надо, пап. Я уже сходила к врачу.

— Хороший врач? — тут же вклинивается мама.

Перед глазами немедленно возникает Разумовский, и я, к своему стыду, вспыхиваю.

— Очень.

— Мужчина или женщина? — подозрительно спрашивает мама.

Я чуть не давлюсь воздухом.

— Мам!

— Что — мам? Я спрашиваю как мать! Мужчина или женщина?

— Мужчина.

На том конце провода повисает такая многозначительная тишина, будто я только что сообщила, что уехала в Тибет с барабанщиком из рок-группы.

— Ясно, — произносит мама тем самым тоном, который в переводе с материнского означает: *я ничего не поняла, но уже всё придумала*. — И как его зовут?

— Господи... мам, это врач.

— У врача нет имени?

— Есть. Но тебя оно не касается.

Папа фыркает. Похоже, смеется.

— Не допытывайся до ребенка.

— Ей двадцать восемь, какой ребенок? — возмущается мама.

— Для тебя — ребенок.

Я невольно улыбаюсь.

Потом в разговор врывается мой младший брат Сашка, судя по голосу, прямо с улицы.

— О, семейный консилиум! — орет он где-то в динамик. — Ви, ты жива? Мама уже дважды собралась в Москву с кастрюлей борща и иконой.

— Саш, иди в задницу.

— По голосу слышу: жива, но недовольна. Нормально. Значит, кризиса нет.

— Я тебя люблю, но ты бесишь.

— Это у нас семейное.

Они еще минут десять трещат, спорят, кто ко мне приедет первым, надо ли мне выслать домашнего варенья и почему я «слишком худая по голосу», а я слушаю их и чувствую, как внутри становится чуточку теплее.

Моя семья — это хаос. Громкий, навязчивый, беспардонный, временами душный хаос. Но именно он в такие дни держит меня на плаву.

Когда разговор заканчивается, я некоторое время сижу в тишине. Потом заставляю себя встать, переодеться в огромную вытянутую футболку с надписью **NIRVANA**, которую утащила у папы еще лет десять назад, и беру пакет из аптеки.

Лечение.

Звучит гордо. На деле — я минут пять читаю инструкцию к мази, как будто собираюсь собрать по ней ядерный реактор.

Потом запираюсь в ванной, ставлю рядом зеркало, ватные диски, воду и морально готовлюсь.

— Ну что, Хищник, — мрачно говорю своему отражению. — Сейчас будем тебя спасать.

Сам процесс унизителен, неприятен и заставляет меня шипеть сквозь зубы. Но уже через какое-то время жжение чуть-чуть отпускает. Не исчезает, нет. Просто отходит на задний план. Как противный сосед с перфоратором, который наконец решил сделать перекур.

Я выдыхаю.

Жить можно.

К вечеру мне надо ехать на работу.

Когда работаешь голосом, можно быть хоть при смерти, хоть с температурой, хоть с сердечной драмой размером с торговый центр — если связки на месте, будь добра, улыбайся в микрофон.

Я работаю на радио уже шесть лет. Сначала была крошечная ночная рубрика, где я читала новости о городе и случайно добавляла к ним комментарии, за которые меня стабильно ругал тогдашний программный директор. Потом были подмены, утренние эфиры, идиотские рекламные интеграции про окна и франшизы маникюрных салонов. А потом как-то само собой случилась моя рубрика — короткие вечерние монологи о жизни, людях и о том, почему взрослость в реальности вообще не такая, как обещали.

Рубрика выросла.

Потом у меня появился отдельный подкаст. Потом этот подкаст внезапно начал разлетаться нарезками по всему интернету, и теперь в комментариях под моими выпусками люди либо пишут: *«Господи, это буквально про меня»*, либо: *«Виолетта, вы влезли мне в голову без спроса»*.

Подкаст называется **«Ви слышали?»** — идея названия пришла ко мне в три часа ночи, когда я ела холодную пасту из контейнера и думала, что, возможно, не зря родители столько лет оплачивали мне логопеда.

В такси до студии я сижу как принцесса с геморроем — максимально осторожно и с лицом святой мученицы. Водитель поглядывает в зеркало заднего вида, наверняка подозревая, что я либо после очень веселых выходных, либо после операций по пересадке личности.

В редакции меня встречает Лера — моя продюсер, подруга, боевая единица и женщина, способная в семь утра одновременно пить кофе, материться и собирать выпуск так, будто родилась с эфирной сеткой в руках.

Она поднимает на меня глаза и замирает.

— Ты чего так идешь? На тебе невидимый памперс?

— Почти, — морщусь. — Не спрашивай.

— Спрошу.

— Не надо.

— Ви.

— Лера.

Она прищуривается.

— Это мужик?

Смотрю на нее, потом на редактора новостей Костю, который уже наострил уши.

Потом снова на Леру.

— Если я скажу «да», ты будешь меня жалеть или ржать?

— Сначала ржать, потом жалеть.

— Тогда да.

Костя ржет.

— Всё, — поднимаю руку. — Без подробностей. Просто знайте: не всё, что пахнет корицей, должно попадать в вашу личную жизнь.

Лера медленно ставит стакан с кофе на стол.

— О боже, — шепчет она с религиозным трепетом. — Ты обязана когда-нибудь превратить это в выпуск.

— Если выживу — обязательно.

Перед эфиром я, как всегда, ухожу в студию одна на несколько минут. У меня есть дурацкий ритуал: закрыть дверь, надеть наушники, провести пальцами по микрофону, сделать три глубоких вдоха и на секунду просто замолчать.

Я люблю этот момент.

Люблю красный огонек над стеклом. Люблю чистый, глухой студийный воздух. Люблю ощущение, что сейчас, в ближайшие тридцать минут, весь город будет меня слушать — в пробках, на кухнях, в такси, в офисах, под одеялами, с чашкой чая, с вином, с тоской, с усталостью, с влюбленностью, с чем угодно.

И мне надо попасть прямо в сердце.

Когда загорается лампочка **ЭФИР**, боль, аптека, мази, корица, Разумовский и мой пострадавшая "прелесть" ненадолго отходят на второй план.

Улыбаюсь в микрофон.

— Добрый вечер, город. С вами Ви, и это ваш любимый час честности на «Мегаполис FM». Если день был странный — поздравляю, вы живой человек. Если день был прекрасный — поздравляю, вы либо влюблены, либо вам просто повезло с нервной системой. Сегодня поговорим о маленьких предательствах взрослой жизни. О тех самых, когда покупаешь авокадо, а оно камень. Когда надеваешь белое и тут же проливаешь кофе. Когда взрослый мужчина говорит тебе: «Да не бойся, я знаю, что делаю». Вообще, взрослая жизнь — это не когда ты платишь налоги. Это когда читаешь состав. Всего. Йогурта, шампуня, крема, человека, с которым собираешься провести вечер. Особенно человека. У него, между прочим, тоже всегда есть состав. Иногда там написано: инфантильный, эгоистичный, любит себя и экспериментировать за чужой счет...

Сообщения от слушателей начинают сыпаться почти сразу. Мы выводим в эфир пару звонков. Девочка после расставания плачет, что всё с ней не так. Я десять минут говорю ей простую вещь: если кто-то не смог оценить твою любовь, это не делает твою любовь дешевой. Мужик сорока лет жалуется, что не может строить отношения, потому что после развода всех сравнивает с бывшей. Я говорю: тогда вы не ищите новую женщину, вы продолжаете жить в старой квартире своей головы.

Когда я работаю, мне всегда легко. Будто внутри меня щелкает тумблер, и та часть, которая обычно нервничает, сомневается, краснеет и воюет сама с собой, временно затыкается.

В микрофоне я смелее, чем в жизни. Честнее. Острее. Там я умею не только смешить, но и вытаскивать за уши из темноты.

Иногда мне кажется, что это единственное, что я по-настоящему умею хорошо.

После живого эфира остается запись подкаста. Мы делаем его позднее, когда большая часть редакции уже расходится, и студия становится почти интимной — только я, Лера, звукарь Тим и теплый свет мониторов.

Глава 4

Григорий

— Никаких зубов и грубых посасываний, ты меня поняла?

Девушка, имени которой я даже не старался запомнить, стоя на коленях передо мной, смотрит снизу вверх.

В ее глазах пляшет азарт. Она кивает, не говоря ни слова, и тянется к моему ремню. Щелчок, звук расходящейся молнии. Она ловко спускает с меня штаны вместе с бельем и обхватывает мой член ладонями.

Снова перехватываю ее за подбородок, фиксируя лицо и заставляя смотреть мне в глаза. Мне нужно, чтобы она уяснила правила.

— Да господи, поняла я, расслабься, — фыркает девушка, сбрасывая мою руку, и, наконец, берет в рот.

Я с шумом выдыхаю сквозь стиснутые зубы и запрокидываю голову.

Блядь.

Как же хорошо.

Идеально.

Влажно, тепло и ровно так, как мне сейчас необходимо.

Закрываю глаза, позволяя себе на несколько жалких минут просто отключить мозг и отдаться базовым инстинктам.

Пульсация в паху нарастает с каждой секундой.

Она двигается ритмично, осторожно, как я и просил. Удовольствие затапливает сознание, смывая накопившееся напряжение.

Мне становится слишком хорошо.

И в этот момент девушка, видимо, решает проявить инициативу.

Показать мастер-класс.

Усиливает нажим ладоней. Чуть сильнее втягивает щеки. Добавляет вакуума и резкости.

В ту же секунду удовольствие обрывается.

Резкая, обжигающая вспышка боли. словно под кожу плеснули крутым кипятком или с силой прошлись наждачной бумагой. Мозг моментально фиксирует сигнал бедствия. То, что секунду назад было чистым кайфом, превращается в невыносимое, зудящее, разрывающее чувство жжения. Ткани наливаются свинцовой тяжестью, горят так, будто к ним приложили раскаленное клеймо. Боль прошивает от паха до самого солнечного сплетения.

— Блядь! — рычу, резко и грубо отталкивая ее от себя.

Девушка отлетает назад, ударяясь спиной о ножку кресла, и ошарашенно хлопает наросшими ресницами. Губы блестят от слюны, в глазах — абсолютное непонимание.

— Ты больной?! Какого хрена ты творишь?!

— Пошла вон.

В паху пульсирует расплавленный свинец. Каждое сокращение мышц отзывается новой волной обжигающей рези.

— Что?!

— Собирай свои шмотки и свали нахрен отсюда!

— Да пошел ты, психованный придурок!

Она подхватывает с пола свое платье, путаясь в ткани, натягивает его прямо на ходу и пулей вылетает в коридор. Хлопает входная дверь.

Я остаюсь один. В тишине собственной спальни, тяжело опираясь рукой о спинку кресла.

Сука. Ну вот что, блядь, было непонятно в моих словах? Русский язык, простейшая инструкция из двух пунктов. Никакой самодеятельности, никаких резких движений, никакого

лишнего трения. Но нет, каждая считает своим долгом доказать, что она лучше других. А в итоге — каждый гребаный раз одно и то же.

Стискивая зубы так, что сводит челюсти, иду в ванную. Не глядя на свое отражение в зеркале, включаю воду. Жду пару секунд, пока пойдет ледяная, и встаю под струю, направляя ее прямо на горящую кожу.

Холод приносит мгновенное, но слишком слабое облегчение. Я упираюсь обеими руками в кафель стены, опустив голову.

Ледяная вода медленно гасит пожар.

Тело, которое должно приносить мужчине удовольствие, давно превратилось в мою личную тюрьму. Шаг влево, шаг вправо — и я сгораю заживо.

— Хищник чихнул? — Женек уставился на меня, замерев с бумажным стаканчиком кофе в руке. — Что?

— Хищник. Чихнул, — медленно повторяю, откидываясь на спинку рабочего кресла.

Кручу в пальцах ручку.

Знаю, что не имею права разглашать болячки своих пациентов, но по факту я ничего и не сказал. Ни имен, ни диагнозов. Просто эта фраза со вчерашнего дня не выходит из моей головы.

Евгений Барановский. Мой лучший друг. Единственный человек в этом мире, с которым я могу позволить себе такую роскошь — просто сидеть в своем кабинете и говорить не по делу.

Мы с Женьком прошли вместе через всё дерьмо, какое только может подкинуть жизнь. От звонка до звонка отмотали срок в детдоме, деля на двоих пайку, синяки и одну мечту на двоих — вырваться. Потом была убитая комната в студенческой общаге, где мы спали по очереди, потому что кровать была одна, а адская зубрежка занимала всё остальное время.

Я ушел в медицину, он — с головой зарылся в химию и молекулярную биологию. Где конкретно и на кого он сейчас работает в своих закрытых лабораториях, Женек не распространялся, да я и не лез. Главное, что выбрался. И даже умудрился счастливо жениться, обзаведясь тем самым уютом, который для меня навсегда останется недоступной роскошью.

Женек делает глоток кофе и прищуривается, пытаюсь найти хоть какую-то логику в моих словах.

— И что это значит?

— Лучше тебе не знать.

Перед глазами тут же всплывает раскрасневшееся до корней волос лицо Виолетты. Ее огромные, паникующие глаза и то, как она сидела на краешке стула, отчаянно подбирая слова, чтобы описать мне свой... химический ожог.

У меня были сотни пациенток. Истеричные, холодные, пытающиеся со мной флиртовать прямо на смотровом кресле. Но ни одна из них не заставляла меня сдерживать смех так, что сводило скулы. А эта сумасшедшая с глазами олененка Бэмби умудрилась пробить мою профессиональную броню одной тупой фразой.

— Что там с мазью? Сделал что-нибудь, чтобы от меня ментолом за километр не несло?

Женек тяжело вздыхает и ставит стаканчик на край моего стола.

— Пока нет. Но я работаю, Гриш.

— Работает он. Жень, я скоро как ходячая аптека буду пахнуть. Этот ментол въедается в кожу, в одежду, в салон машины. Я вчера снова не удержал реакцию.

Барановский мгновенно становится серьезным. От его расслабленности не остается и следа. Он прекрасно знает, что означает мое «не удержал реакцию».

— Сильно накрыло?

— Как в кипятке окунули. Холодный душ помог, но ненадолго. База, которую ты наметил в прошлый раз, слишком плотная. Она блокирует гистаминовые рецепторы, да, но запах...

Жень, это невыносимо. Мне нужно что-то легкое, без запаха, чтобы я мог использовать это постоянно.

— Гриш, ты же врач, ты сам понимаешь физику процесса. Убрать охлаждающий эффект и запах ментола, не потеряв при этом эффективность — это пиздец как сложно. Если я просто намешаю тебе кортикостероидов, у тебя со временем истончится кожа, и станет только хуже. Мне нужен идеальный проводник. Я пробую синтезировать новые полимеры, но пока они нестабильны.

— Ищи проводник, Жень. Ищи. Потому что иначе я скоро начну бросаться на людей.

Глава 5

Я просыпаюсь за минуту до будильника.

Всегда.

Организм давно понял, что жить ему приходится с человеком, который не опаздывает, не дает поблажек и считает хаос разновидностью биологической угрозы.

На часах 5:59. За окном еще серо. Город только начинает шевелиться где-то далеко внизу, а моя квартира уже беззвучно существует в своем обычном, выверенном порядке.

Я встаю, заправляю постель одним движением, иду на кухню и включаю кофемашину.

Квартира у меня большая. Слишком большая для одного человека, но это было сознательное решение. После детдома, общаги и крохотной съемной конуры, где в студенчестве холодильник приходилось открывать боком, я однажды пообещал себе простую вещь: если когда-нибудь у меня появятся деньги, у меня будет пространство.

Воздух. Тишина. Двери, которые закрываются.

И никто не роется в твоих вещах.

Сейчас здесь именно так. Много стекла, темного дерева, серых стен и ровных линий. Никаких лишних деталей. Всё на своих местах. Книги по полкам, рубашки по цветам, ножи по размеру, документы по папкам. Даже оливковое масло стоит этикеткой вперед.

Женя однажды сказал, что у меня дома не квартира, а дорогой, очень одинокий выставочный зал.

Возможно, он прав.

Единственное, что выбивается из общей стерильной картины, — кружка с кривой синей звездой на боку. Ее разрисовала дочь Жени. Соня. Пять лет. Маленький вихрь в розовых носках, которая считает меня «дядей Гришей, который всегда пахнет больницей и конфетами». Хотя конфеты я ей перестал носить после того, как Оля, жена Жени, открыла мне дверь и с порога зловеще сообщила, что если я еще раз принесу ребенку шоколад перед сном, то буду лично укладывать ее четыре часа.

Я пью кофе из этой кружки, потому что выбросить рука не поднимается.

Потом душ. Бритье. Черная рубашка, темно-серый костюм. Два письма на почте. Три сообщения от администраторов. Одно — от женщины, чье имя я, так и не удосужился сохранить.

Ты реально псих.

Смотрю на экран секунду, потом удаляю диалог..

Люди любят сложных мужчин только до тех пор, пока сложность не начинает причинять им неудобства. Потом они быстро вспоминают, что вокруг полно нормальных, понятных, тактильных, не замороченных на правилах особой мужского пола.

И правильно делают.

Выхожу из дома ровно в 6:45.

У въезда на подземную парковку клиники я уже снова в рабочем состоянии.

Внутри меня есть дверь. Очень тяжелая. Когда я переступаю порог клиники, она закрывается.

Остается врач.

— Доброе утро, Григорий Васильевич, — бодро рапортует Арина на ресепшене. — У вас на девять ноль-ноль первичный, потом повторный, потом ребенок по cito, потом...

— Расписание я видел.

— Конечно, — тут же выпрямляется она. — И еще Елена Павловна звонила.

Я останавливаюсь.

— Зачем?

— Спросила, не напугали ли вы ее пациентку.

Медленно поднимаю на Арину взгляд.

Девушка героически пытается сохранить лицо, но по дернувшимся губам видно: ей интересно всё. Сразу. Желательно в деталях.

— Я никого не пугаю.

— Разумеется, — слишком быстро соглашается она.

— Арина.

— Молчу.

У себя в кабинете надеваю халат, просматриваю карту первого пациента и на автомате проверяю почту. Среди писем — ответ от лаборатории по вчерашним мазкам Ланской. Быстро. Хорошо.

Открываю файл. Пробегаю глазами.

То, что и ожидалось.

Никаких неприятных сюрпризов.

На секунду внутри что-то расслабляется. Профессиональное удовлетворение от правильно поставленного диагноза.

Закрываю письмо и переключаюсь на работу.

Первой приходит женщина лет сорока, с идеально уложенными волосами и губами цвета спелой вишни. Она садится напротив, закидывает ногу на ногу и с места в карьер сообщает:

— Доктор, мне срочно нужно лицо на десять лет моложе. У бывшего через месяц свадьба.

— У меня дерматология, а не магия, — спокойно отвечаю, открывая карту. — Но можем начать с базового ухода и терапии купероза. Ваш бывший, скорее всего, не стоит розацеа.

Она смеется чуть громче, чем нужно. Пытается флиртовать. Я вежливо, но методично возвращаю разговор в медицинскую плоскость.

Следом подросток с акне, который смотрит в пол и отвечает односложно. Его мать на грани слез и чувства вины, будто это она лично вырастила у сына воспаление на лице.

— Послушайте меня внимательно, — говорю ей, печатая назначения. — Это не ваша вина и не его «запущенность». Это состояние кожи. Мы будем лечить. Последовательно. Без паники и без самостоятельности из интернета.

Мальчишка впервые поднимает на меня глаза.

— А шрамы останутся?

— Если будешь делать, что я сказал, — нет.

Он кивает так, словно я выдал ему амнистию.

Перед обедом приходит ребенок по cito — девочка лет шести, вся в розовом, с плюшевым зайцем и воспалением на сгибах локтей. Она ревет так, будто ее ведут не ко мне, а на публичную казнь.

— Катя, — строго шепчет ей мать, — не капризничай.

— Не трогайте меня! — воеет Катя и прячется за стул.

Я опускаюсь перед ней на корточки, чтобы мы оказались на одном уровне.

— Зайца как зовут? — спрашиваю.

Она подозрительно сопит.

— Персик.

— Серьезное имя.

Катя моргает.

Беру со стола перчатку, надуваю ее и быстро рисую ручкой смешную морду.

— Это доктор Осьминог. Он ужасно важный и очень хочет познакомиться с Персиком. Но только если Персик не кусается.

Катя смотрит на перчатку. Потом на меня. Потом осторожно протягивает своего зайца.

Через пять минут я уже спокойно осматриваю ее руки, а мать смотрит на меня с выражением такого облегчения, будто я только что не экзему диагностировал, а вытащил ребенка из проруби.

— Спасибо вам, — шепчет она на выходе.

Я лишь киваю.

Благодарность всегда ставит меня в тупик.

В обед мне приходит уведомление о ежемесячном списании со счета. Фонд помощи детским домам. Автоплатеж.

Я настроил его давно и никогда не отменяю. Это мой личный способ не делать вид, будто прошлое — просто неудобная глава биографии, которую можно перелистнуть и забыть.

Ничего не забывается.

Особенно если когда-то ты точно знаешь вкус самого дешевого чая на алюминиевой кухне, звук ключей воспитательницы в ночной смене и то, каково это — не иметь ни одного взрослого, которому можно позвонить просто так.

Жене повезло чуть больше — его в старших классах на время забирал дальний родственник. Меня никто не забирал. Да я уже тогда был слишком неудобным для семейного счастья — молчаливый, злой, постоянно готовый вцепиться зубами в мир, если тот подойдет слишком близко.

Из этого материала, как выяснилось, получают хорошие врачи.

Плохие мужчины, впрочем, тоже.

После работы я не еду сразу домой. Разворачиваю машину и через сорок минут уже стою у подъезда Барановских.

Дверь мне открывает Оля — в растянутом свитере, с ложкой в руке и прядью волос, выбившейся из пучка.

— Наконец-то! — возмущается она. — Я уже решила, что ты снова сольешься в последний момент под предлогом спасения человечества.

— Человечество обошлось без меня два часа. Надеюсь, оно не слишком пострадало.

Из кухни доносится голос Жени:

— Если бы ты пришел на двадцать минут позже, Соня съела бы все оливки и объявила себя морским царем!

В следующий момент в коридор вылетает сама Соня — маленькая, кудрявая, в пижаме с лисами, хотя на часах еще только семь.

— Дядя Гриша! Я нарисовала тебе динозавра-врача!

Она протягивает мне листок, на котором зеленое нечто в очках и с градусником в лапе явно собирается кого-то лечить силой убеждения.

— Впечатляет, — серьезно говорю я. — Очень квалифицированный динозавр.

— Я знаю, — важно отвечает Соня.

За столом у Барановских шумно, тесно и пахнет едой так, как у меня дома не пахнет никогда. Оля приготовила курицу, салат, картошку с розмарином и какой-то пирог, потому что, по словам Жени, у нее «генетическая невозможность накрывать на стол нормально, без ощущения, что к вам пришла рота солдат».

— Ешь, — командует она, ставя передо мной тарелку.

— Я и ем.

— Плохо ешь. Посмотри на себя — кожа да кости.

— От женщины молекулярного биолога я не ожидал аргументации на уровне тети Зины из подъезда.

— А я от светила дерматологии — такого худого лица.

Женя ржет в бокал.

— Господи, как я люблю, когда вы начинаете мериться сарказмом.

Соня между тем забирается ко мне поближе и шепотом сообщает:

— Папа сказал, ты злой, но добрый.

Я медленно поворачиваю голову к Жене. Он безмятежно жует картошку.

— Интересная формулировка.

— Зато честная, — невозмутимо отвечает он.

У них дома всегда так. Тепло. Шумно. Без церемоний. Оля может шлепнуть Женьку по затылку полотенцем за то, что он оставил кружку на подоконнике. Соня может требовать внимания сразу от всех. На холодильнике висит календарь с кружочками, детскими рисунками и списком покупок. На диване плед, под диваном кубики, на подоконнике горшок с базиликом, который Оля выращивает уже третий раз, потому что предыдущие два «не выдержали микроклимата этой семейки».

Я люблю бывать здесь.

И ненавижу.

Потому что именно тут особенно остро чувствуешь, насколько твоя собственная квартира тиха.

— Как работа? — спрашивает Оля.

— Люди болеют, я лечу.

— А вне работы? — не отстает она.

— А вне работы я ем у вас курицу.

— Гриша.

— Оля.

Она закатывает глаза.

— У него был кто-нибудь в последнее время? — спрашивает она у Жени так, будто меня нет за столом.

— Была одна, — сдает меня друг.

— Жень.

— Что — Женья? — пожимает он плечами. — Она сама потом написала, что ты псих.

Оля замирает с вилкой в руке.

— О, это уже прогресс. Обычно от тебя уходят молча.

— Спасибо.

— Мы любя, — улыбается она.

Разговор уходит в сторону. Женья рассказывает про новый проект, Оля — про сумасшедшую маму из родительского чата, которая предлагает ввести детям в саду уроки финансовой грамотности. Соня требует включить ей песню про акулу, а я собираюсь домой.

Глава 6

Виолетта

К пятому дню лечения мой личный интимный Чернобыль наконец-то перестал светиться в темноте.

Нет, до полного восстановления было еще далеко. Но хотя бы ушло это бесконечное жжение, от которого хотелось сесть в таз со льдом и остаться там жить. Отек спал, мазь работала, а я впервые за несколько дней смогла надеть джинсы и не почувствовать себя человеком, которого пытали наждачкой.

Это был уже прогресс.

Именно поэтому в субботу я рискнула выбраться в торговый центр. Во-первых, мне нужны были новые джинсы. Во-вторых, Машка поклялась, что если я еще один вечер проведу дома в трусах цвета «капитуляция» и под пледом, то лично вытащит меня за волосы в свет. В-третьих, я сама уже устала чувствовать себя пострадавшей стороной в рекламе средств контрацепции.

Торговый центр гудел, блестел, пах кофе, карамельным попкорном и чужими деньгами. Люди ходили с пакетами, дети визжали у автомата с игрушками, где-то наверху ныл саксофоном ремикс на старую попсу. Я медленно шла вдоль витрин, держа в одной руке телефон, в другой — пакет из косметического, и мысленно уговаривала себя, что жизнь продолжается.

— Виолетта!

Я застыла посреди прохода.

Этот голос я узнала бы даже в бункере, под сирену и звук падающих метеоритов.

Медленно обернулась.

Кирилл.

Ну конечно.

Высокий, хорошо одетый, гладко выбритый, с тем самым лицом «я умею понравиться любой женщине и очень собой доволен».

Увидев меня, он расплылся в улыбке и быстро пошел навстречу.

У меня внутри всё мгновенно сжалось.

Вот ведь гадство. Из миллионов людей в Москве именно этого экспериментатора с запахом корицы вселенная решила выдать мне посреди субботнего шопинга.

— Наконец-то, — выдохнул он, будто мы тут не случайно столкнулись, а это я бегала от него по городу с его фамильным серебром. — Я тебе везде писал.

— Знаю. Поэтому и заблокировала.

Он будто не услышал. Подошел ближе. Слишком близко.

— Ви, ну не надо вот этого. Я реально переживал.

— За кого? — вскидываю бровь. — За меня или за свою репутацию в моей телефонной книге?

Кирилл поморщился, как будто я несправедливо в него плюнула.

— Ты драматизируешь.

Я аж воздухом поперхнулась.

— Я драматизирую? Кирилл, после тебя я в срочном порядке летела к гинекологу, потом к дерматологу, потом в аптеку за половиной ассортимента фармакологии. У меня там был химический ожог, аллергия и неделя полового траура. И это я драматизирую?

Он неловко оглянулся по сторонам.

— Не говори так громко.

— А как мне говорить? Шепотом и с благодарностью?

Самое отвратительное было даже не в том, что я его сейчас видела. А в том, что совсем недавно этот человек мне правда нравился.

Очень.

Познакомились мы в приложении. И, честно говоря, я чуть не свайпнула его влево. На фото Кирилл выглядел слишком... вылизанным. Слишком уверенным в себе. Из тех мужчин, у которых на каждом втором снимке часы крупнее самооценки. Но потом я прочитала его первую фразу.

Не «привет, красотка».

Не «чем занимаешься?»

И даже не моё любимое мужское убожество «такая девушка не должна быть одна».

Нет.

Он написал: *«Если у тебя на третьем фото в руках правда Кундера, а не реквизит для умного лица, то я уже немного заинтригован».*

Я тогда рассмеялась. Ответила. Завязался разговор.

А у меня было правило.

Железобетонное. Неделя.

Семь дней на любого нового мужчину. Семь дней переписок, прогулок, кофе, разговоров, пауз, наблюдений и проверки на вменяемость. Не потому что я ханжа. И не потому что любила строить из себя монашку с уклоном в психоанализ. Просто опыт показал: если мужчина должен тебя разочаровать, он обязательно успеет сделать это за неделю.

За неделю можно выяснить многое.

Раздражает ли он тебя своей манерой говорить с официантами.

Считает ли нормальным пропадать на сутки.

Слушает ли, когда ты говоришь.

Понимает ли слово «нет».

Не считает ли, что женщина обязана восхищаться его набором бицепсов и водительскими навыками.

И, самое главное, не хочется ли тебе на шестой день залезть в окно туалета и сбежать с свидания босиком.

Кирилл эту неделю выдержал идеально.

Он писал смешно, без липкости и навязчивого «доброе утро, красавица» в семь ноль три. Не давил. Не лез руками раньше времени. На первой прогулке мы три часа ходили вдоль набережной и спорили, можно ли считать взрослостью умение не отвечать бывшим после полуночи. На второй он принес мне кофе ровно такой, какой я люблю — большой, без сахара, но с овсяным молоком. На третьей встрече запомнил, что я терпеть не могу кинзу и запах лилий. На четвертой не попытался позвать меня «к себе, просто кино посмотреть». На пятой прислал мне смешное голосовое, где ругал собственный будильник и звучал так по-человечески, что я, кажется, тогда окончательно расслабилась.

Мне понравилось, что рядом с ним легко.

Что не надо тащить на себе разговор.

Что он умел смеяться.

Что у него были теплые ладони, спокойный взгляд и ощущение... надежности.

Господи. Как же я, оказывается, умею ошибаться.

— Я же извинился, — говорит Кирилл сейчас, идя рядом, пока я ускоряю шаг. — Я правда не знал, что у тебя такая реакция.

— А ты часто, прежде чем использовать на женщине неведомую хрень с надписью «согревающая», уточняешь, нет ли у нее аллергии?

— Да кто ж знал? — начинает он раздражаться. — Другим нормально было.

Я резко остановилась.

— Другим?

— Я не это имел в виду.

— Нет, именно это. Ты имел в виду, что уже ставил свои занимательные опыты на других женщинах, просто мне повезло выиграть главный приз.

— Ви, хватит. Ну правда. Я хотел как лучше. Мне с тобой было хорошо.

Я развернулась к нему всем корпусом.

— А мне после тебя было больно.

Вид у него стал растерянный, но не настолько, чтобы я прониклась. Запоздалая совесть вообще очень неубедительна.

— Слушай, ну нельзя же вот так всё перечеркнуть из-за одного неудачного случая, — заговорил он быстрее. — У нас же реально было классно. Ты сама это знаешь. Мы неделю общались, гуляли, нам было хорошо вместе. Ну неужели ты из-за такой фигни...

— Из-за такой фигни? Кирилл, ты мне буквально устроил аллергический пожар между ног. Это не фигня. Это событие. Медицинское. С назначением мазей и запретом на секс. Мне доктор сказал, что если бы я еще потянула, могли пойти язвы. Язвы, Кирилл! У меня в зоне бикини! А ты сейчас идешь за мной по торговому центру и пытаешься убедить, что я должна отнестись к этому с пониманием?

Люди вокруг уже начали коситься.

Кирилл явно почувствовал дискомфорт от лишнего внимания и попытался понизить голос:

— Не ори.

— А ты не ходи за мной.

— Я просто хочу поговорить нормально.

— Нет. Ты хочешь, чтобы тебе стало легче. Мне — не станет.

Он сделал еще шаг и вдруг взял меня за локоть.

Рефлекторно. Легко. Но этого хватило.

Я дернула руку так резко, будто меня током ударило.

— Не трогай меня.

Сказала громко. Очень. Пара подростков у витрины повернула головы.

Кирилл отпустил меня сразу.

— Да господи, истерику-то не устраивай.

— Слушай меня внимательно. Я не хочу тебя видеть. Не хочу тебя слышать. Не хочу обсуждать, как тебе было хорошо. Мне после тебя пришлось лечиться. И если ты сейчас не развернешься и не уйдешь, я скажу охране ровно одну фразу: этот мужчина преследует меня и не понимает слова «нет». Проверим, кому из нас будет неловко сильнее.

Он уставился на меня так, будто только сейчас увидел по-настоящему.

Наверное, за всю нашу чудесную неделю он привык к другой версии меня — смешной, мягкой, болтливой, открытой. К той, которая шутит, рассказывает истории, сама тянется к руке и смеется над глупостями. А это была не она.

Это была женщина, которая пять дней мазала себе ожог по его милости и теперь смотрела на него как на ходячий аллерген.

Кирилл поджал губы.

— Ты всё перевернула.

— Нет. Просто больше не романтизирую идиотов.

Он постоял еще секунду, потом мотнул головой и ушел. С тем самым видом смертельно обиженного мужчины, который был уверен, что его должны понять и простить за сам факт его хорошего настроения.

Я смотрела, как он растворяется в толпе, и чувствовала только одно — облегчение.

Телефон завибрировал в ладони.

Машка: *Если ты уже купила джинсы, то вечером идем в клуб. И не смей сливаться. Я хочу видеть тебя в платье, а не в трауре по собственной вульве.*

Я фыркнула.

Отвечать было лень, но я всё-таки напечатала:

Иду.

К вечеру меня действительно вытащили в люди.

Машка пришла ко мне как спецназ: с укладкой, помадой, боевым блеском в глазах и пакетом льда для моей самооценки.

— Так, — объявила она, заходя в квартиру. — Сегодня ты вспоминаешь, что ты красивая женщина, а не пациент дерматологического триллера.

— Спасибо. Обожаю твою поддержку.

— Я искренняя. Это лучше.

Через сорок минут я стояла перед зеркалом в черном платье на тонких бретелях, с распущенными волосами и стрелками, которые сделали мои глаза чуть менее «я пережила многое» и чуть более «я, возможно, опасна». Самооценка еще не вернулась в дом окончательно, но хотя бы перестала лежать на лестничной клетке.

Клуб был шумный, темный и предсказуемо забитый людьми. Внутри пахло духами, алкоголем, сладким дымом и чьей-то неудачной попыткой быть сексуальным в кожаной рубашке. Музыка грохотала так, будто диджей мстил человечеству за детские травмы.

— Идеально, — проорала Машка мне в ухо. — Здесь никто не услышит, как ты ноешь!

— Я не ною!

— Вот и не начинай!

Первые полчаса я просто оттаивала. Мы выпили по коктейлю, потом еще по одному. Потанцевали. Машка успела дважды послать какого-то типа с блестками на скулах и один раз чуть не укусить бармена, который пытался убедить ее, что «авторский твист на негрони» — это оправдание цены в тысячу сто рублей.

Я смеялась.

По-настоящему.

И вдруг поймала себя на том, что мне хорошо.

Не потому что я забыла. Нет. Просто впервые за эти дни мир перестал крутиться вокруг моего неудачного секса, мазей, хлопковых трусов и зеленых глаз одного слишком красивого врача.

— Девушки, если вы сейчас закажете третий одинаковый коктейль, я обязан либо жениться на одной из вас, либо вызвать вам такси, — раздался рядом мужской голос.

Я обернулась.

Парень стоял у бара, чуть опираясь локтем на стойку. Высокий, светловолосый, в темно-синей рубашке с закатанными рукавами. Не модель. Не рок-звезда. Просто приятный. Улыбка хорошая. Взгляд открытый. И главное — ни грамма самодовольной наглости.

Машка моментально оживилась.

— А если мы хотим четвертый?

— Тогда я как минимум должен узнать ваши имена.

Я хмыкнула.

— Смелое заявление для человека, который подошел к двум женщинам одновременно.

— Это не смелость, — он чуть улыбнулся. — Это самосохранение. Если подходить по одной, вторая потом убьет взглядом.

— Логично. Я Маша. Это Ви.

— Егор.

Мы разговорились неожиданно легко. Егор оказался не душным, не липким и, что особенно приятно, не пытался каждые тридцать секунд наклоняться слишком близко, будто клуб — это официальный повод нарушать чужое пространство. Он любил старое кино, ненавидел изюм в выпечке и честно признался, что вообще-то пришел сюда отмечать день рождения друга, но друг уже где-то исчез в тумане кальяна и плохих решений.

— То есть вы сейчас технически бесхозный? — уточнила я.

— Абсолютно, но потенциально полезный. Я умею держать сумки, ловить такси и делать вид, что разбираюсь в коктейлях.

— Последнее особенно ценно, — сказала Машка.

Потом она куда-то ускакала танцевать с девчонками из соседней компании, а я осталась у бара с Егором вдвоем.

И, что странно, мне не хотелось сразу поставить между нами бетонную стену.

Наверное, потому что он не лез.

Не давил.

Не пытался моментально превратить обычный разговор в прелюдию к великой любви или хотя бы к туалету в VIP-зоне.

Просто стоял рядом и разговаривал со мной так, будто я человек, а не задача на ночь.

— Можно вопрос? — спросил он через какое-то время.

— Если не про знак зодиака, то можно.

— Ты всегда так смотришь на мужчин, как будто прикидываешь, где закопаешь тело, или это сегодня тематический вечер?

Я рассмеялась.

— Сегодня просто был длинный день.

— Тогда не буду портить его еще сильнее, но ты красивая, когда смеешься. На случай, если тебе сегодня никто не успел сказать что-то нормальное.

Вот это было сказано так просто и без сальности, что я на секунду даже растерялась.

— Спасибо.

Ближе к двум ночи мы с Машкой собрались домой. Я ожидала классического захода в стиле: *«поехали ко мне»*, *«давай еще погуляем»* или хотя бы *«ну что ты ломаешься»*. Но Егор только достал телефон и спросил:

— Можно я тебе напишу?

Я замерла. Нормальный мужчина. Редкий подвид.

— Можно.

— Или лучше ты мне, если захочешь, — тут же добавил он. — Без обязаловки.

И вот за это мне захотелось выдать ему медаль.

Мы обменялись телефонами.

Машка наблюдала за этим с таким лицом, будто лично присутствовала при спасении вымирающего вида.

Уже в такси она схватила меня за руку.

— Всё, я официально заявляю: один коричный дебил не убил в тебе женщину.

— Маш, пожалуйста, не формулируй так, будто меня выпустили из реанимации.

— Но ведь выпустили же.

Глава 7

Григорий

Субботные бары я не люблю.

Слишком много шума, слишком много людей, слишком много лиц, которые к полуночи становятся одинаковыми: разогретыми алкоголем, самоуверенностью и чужими ожиданиями. Но Женька уперся, что мне нужно «хотя бы иногда сидеть не в кабинете и не дома, как проклятому аскету с дипломом». Поэтому сейчас я сижу напротив него в полутемном углу бара, смотрю в янтарное дно стакана и думаю, что, возможно, аскет с дипломом — не худший жизненный сценарий.

— Ну? — Женька нетерпеливо стучит пальцами по столу. — Показывай.

Я молча закатываю рукав рубашки и вытягиваю руку через стол.

Внутренняя сторона запястья выглядит так, будто я добровольно приложил ее к борщевiku. Кожа неровная, густо-красная, с мелкой сыпью по краю тестовой зоны. В центре — припухший овальный участок, который до сих пор неприятно тянет и чешется.

— Красота, — бормочет он, наклоняясь ближе. — Через сколько пошла реакция?

— Минут через сорок началось тепло. Потом зуд. К ночи уже вот это.

— Жжение?

— Терпимое. Но мерзкое.

Он осторожно, не касаясь, осматривает запястье и морщится.

— Значит, опять не туда.

— Спасибо. Без тебя не догадался.

— Не язви. Я и так вижу, что все плохо.

— Да неужели?

Женя откидывается на спинку дивана и проводит ладонью по лицу. Он выглядит усталым. Под глазами тени, волосы, как всегда, слегка растрепаны, рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу. Типичный Барановский: гений, муж, отец, химик, человек, который может на коленке объяснить молекулярную кинетику и тут же получить от жены по шее за то, что забыл купить детское пюре.

— Слушай, — говорит он уже спокойнее. — В этой версии я убрал почти весь ментол. Оставил только слабый охлаждающий агент в микродозе, чтобы не потерять эффект. Основа другая — легче, без этой жирной пленки. Плюс новый проводник, чтобы действующее вещество проходило быстрее и не воняло на всю улицу аптекой.

— Пахло меньше, — признаю. — Почти не пахло.

— Ну вот. Значит, направление верное. Но где-то в базе тебя шарахнуло. Либо стабилизатор, либо консервант. Возможно, полимер не сел и дал контактную реакцию.

— Очень вдохновляет.

Женька пожимает плечами.

— Наука вообще не про вдохновение, а про перебор неудач. Через пару дней соберу еще одну версию. Без этого консерванта, на другой базе. Попробуешь так же.

Я смотрю на него поверх стакана.

— Снова стать лабораторной крысой?

— Ты не крыса. Ты капризный, злобный и слишком дорогой биоматериал.

— Спасибо, друг.

Он усмехается.

— Пожалуйста. И на этот раз не геройствуй. Если начнет печь сильнее — сразу смываешь.

Понял?

— Я врач.

— А я химик. И что? Мы оба знаем, какие тупые вещи умные мужики творят над собственным телом.

На это мне возразить нечего. Я молча опускаю рукав обратно и беру стакан.

Несколько секунд мы сидим молча. В баре глухо бухает бас, за соседним столом смеются две девицы с коктейлями цвета антифриза, бармен жонглирует бутылками с лицом человека, который слишком давно разочаровался в человечестве.

— У меня бабы три месяца не было, — говорю, сам не знаю зачем.

Женька медленно поворачивает ко мне голову.

— А как же Аня из спортзала?

Хмуюсь.

— Кто?

— Ну... — он выразительно шевелит бровями. — Высокая блондинка. Она к тебе приезжала.

Пару секунд смотрю на него, потом вспоминаю.

— А. Эта.

— Ну да, эта.

Делаю глоток.

— Я после нее хрен под водой час держал.

Женька морщится так, будто это его самого сейчас мысленно окунули в ледяную струю.

— Ой.

— Вот тебе и ой.

Он фыркает в стакан.

— Слушай, ну это уже даже не невезение. Это какая-то отдельная ветка эволюции.

— Добро пожаловать в мою жизнь.

Женя качает головой, потом, как и следовало ожидать, добивает:

— А вот нечего было бросать Ольгу.

Смеряю его злым взглядом.

— Не смотри так. Она бы хотя бы понимала, что можно, а что нельзя.

Я откидываюсь на спинку дивана и несколько секунд смотрю в темный потолок.

Ольга.

Даже имя внутри отдает усталостью.

— Нет. Не понимала.

Женька вопросительно приподнимает бровь.

И я, сам не особенно этого желая, продолжаю:

— Поначалу — да. В этом и была проблема. С ней в самом начале все было почти идеально. Она не шарахалась от моих правил, не закатывала глаза, когда я что-то просил или, наоборот, запрещал. Не пыталась играть в спасательницу. Не делала вид, что я должен «просто расслабиться». Она принимала мои... особенности. Мои границы. То, как мне нужно. И я, как идиот, решил, что наконец-то встретил взрослого человека.

— А потом?

Криво усмехаюсь.

— А потом ей стало скучно. Через год всё начало съезжать. Сначала по мелочи. Намёки. Идеи. Попытки постоянно поднять градус. Потом — откровенные предложения, от которых у меня дергался глаз. Ей уже было не интересно просто понимать меня. Ей нужно было проверять, насколько далеко она может зайти. Каждый мой предел для нее превращался в вызов.

Провожу пальцем по холодному стеклу стакана.

— Одно дело, когда человек разделяет твои вкусы. Другое — когда начинает воспринимать тебя как билет в личный парк извращений. В какой-то момент Ольга уже всерьез начала

предлагать впихивать в нее невпихуемое. С тем блеском в глазах, который бывает у людей, перепутавших постель с цирком и приемным покоем одновременно.

Женька тихо присвистывает.

— Ясно.

— Нет, не ясно, — отрезаю. — Самое поганое было даже не в этом. Не в фантазиях. Люди имеют право хотеть разное. Меня не чужие желания напрягали. Меня напрягло то, что она перестала слышать слово «нет». Совсем. Чем спокойнее я объяснял, что мне это не подходит, тем сильнее ее это заводило. Как будто мои границы были не границами, а квестом.

Женя перестает ухмыляться. Становится серьезным.

— Тогда да. Пошла она.

— Именно.

— Но ты, конечно, выбрал самый удобный способ компенсации. Теперь у тебя либо случайные дуры, либо никого.

— Предпочитаю второе.

Женька вертит в руках стакан.

— Тебе бы не секс искать, Гриш. Тебе бы человека, который не воспринимает твои ограничения как личное оскорбление или конкурс на лучший экспромт.

— Спасибо за банальность.

— Это не банальность. Это факт. Ты каждый раз пытаешься выстроить близость по инструкции, а потом удивляешься, что люди в нее не влезают.

— А я не обязан никого подгонять под себя ценой собственной шкуры.

— Не обязан, — спокойно соглашается он. — Но и жить как монах в лабораторном карантине — тоже не вариант.

— Удобно рассуждать, когда тебя дома ждет нормальная жена, ребенок и картошка с мясом.

— Удобно. Очень. Но это не делает меня неправым.

Я ничего не отвечаю. Потому что, к сожалению, он не так уж неправ.

Проблема только в том, что «найди нормального человека» звучит примерно как «пойди и купи хорошую погоду». В теории все понимают, о чем речь. На практике — хрен найдешь.

— Мне пора. Если я вернусь позже и с запахом виски, Оля сначала посмотрит на меня так, будто я изменил ей с перегонным кубом, а потом отправит спать на диван.

— Заслуженно.

— Безусловно. — Он встает, надевает пальто и уже перед уходом кивает на мою руку.

— Не чеши. Через пару дней напишу.

— Давай.

— И, Гриш, — он смотрит внимательнее. — Ты бы все-таки перестал делать вид, что тебе никто не нужен. У тебя это плохо получается.

— А у тебя плохо получается не лезть не в свое дело.

— На то я и лучший друг.

— На то ты и заноза в жопе.

— Тоже верно.

Мы жмем друг другу руки, и он уходит, уже на ходу набирая, видимо, Олю.

Я еще несколько минут сижу один, допиваю виски, расплачиваюсь и выхожу на улицу. Вызываю трезвого водителя.

Я сажусь за руль, завожу двигатель, и салон тут же заполняет голос радиоведущего из автоматически включившейся системы.

Сначала идет реклама доставки еды. Потом какая-то стоматология. Потом короткая музыкальная отбивка.

А потом я слышу ее.

— ...если вам кажется, что взрослость — это когда вы уверенно принимаете решения, то нет. Взрослость — это когда вы сначала читаете состав, а потом уже трогаете руками...

Этот голос я узнаю сразу.

— С вами Ви Ланская, и это новый выпуск «Ви слышали?»...

Ви.

Я медленно откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в лобовое стекло, за которым отражаются огни парковки.

Вот, значит, кто ты.

В пятницу на контрольный прием Виолетта Ланская так и не пришла.

Утром Арина отправила напоминание. Потом еще одно. В обед Нина Петровна звонила с городского. Потом — с мобильного. Телефон молчал. Трубку она не брала, на сообщения не отвечала. В карте так и осталось: **«На повторный осмотр не явилась»**.

Я весь день говорил себе, что мне плевать.

Что пациенты пропадают постоянно. Что кто-то забывает, кто-то пугается, кто-то решает, что стало лучше — и достаточно. Что это не моя проблема.

Но почему-то именно ее неявка раздражала меня сильнее, чем должна была.

А теперь я сижу в машине под баром и слушаю, как она своим мягким, цепким голосом рассуждает о том, почему люди упорно путают любопытство с правом нарушать чужие границы.

И это совсем некстати бьет точно в нерв.

Глава 8

Понедельник начинается не с кофе.

Понедельник начинается с хаоса, чужих жалоб, запаха антисептика и ощущения, что ты с шести утра бежишь по движущейся дорожке, а кто-то всё время добавляет скорость.

К часу дня у меня не было ни минуты перерыва.

Две первички, три повторных, подросток с обострением акне после совета «блогера-косметолога», женщина с аллергией на краску для волос, мужчина, который искренне считал, что псориаз можно «прожечь» чистотелом, и бесконечный поток вопросов, на которые приходится отвечать спокойно, даже когда хочется просто открыть окно и выйти в него.

Поэтому, когда Арина сообщила, что запись на час слетела, я впервые за утро подумал, что мир не окончательно сошел с ума.

Даже к лучшему.

На часах 13:02. Впереди целых сорок минут без людей, жалоб, карточек и светящихся от паники глаз. Я закрыл за последней пациенткой дверь и пошел к кофемашине в углу кабинета.

Кофе — это не удовольствие.

Это форма реанимации.

Я только поставил чашку под тонкую струю темного, почти черного эспresso, как в дверь постучали, а потом в щель просунулась знакомая голова.

Ланская.

— Здравствуйте. Я прождала с восьми утра в коридоре, и вуаля — мне повезло. Сказали, у вас отменилась запись. Примите меня, пожалуйста.

Несколько секунд я просто смотрел на нее.

На ней были светлые джинсы, объемный бежевый свитер и собранные в высокий хвост волосы. На лице — минимум макияжа, под глазами легкие тени. Вид не катастрофический, но и не совсем свежий. Значит, проблема все-таки вернулась.

Оперся ладонью о столешницу.

— Ваш прием был в пятницу. Вы его пропустили.

Улыбка на ее губах стала виноватой.

— Забыла. Простите. Забыла.

— Вам звонили и отправляли уведомления.

Она поджала губы, опустила взгляд, потом снова посмотрела на меня снизу вверх — с тем самым видом, который у другой женщины мог бы показаться манипуляцией, а у нее выглядел как чистая, незамутненная наглость, замаскированная под раскаяние.

— Значит, не примете?

Я выдохнул.

Нужно было сказать «нет».

Нужно было отправить ее к администратору, вписать в расписание на другой день, остаться наедине со своим кофе и остатками дисциплины.

— Заходите.

— Супер.

— Присаживайтесь. И рассказывайте, как всё идет.

Она села напротив, поставила сумку на колени и сразу перестала выглядеть такой бодрой.

— Ну... Было всё хорошо. Правда. Начало проходить. А вчера...

Я поднял взгляд.

— Поэтому вы решили в пятницу не приходить, да? Проходит ведь.

Она сморщила нос.

— Поймите меня, доктор, не очень-то хочется показывать свою прелесть налево и направо.

— Я врач.

— И очень привлекательный мужчина.

Повисла пауза.

Любой другой на моем месте, возможно, счел бы это флиртом. Я счел это проблемой. Потому что сказано было легко, почти на выдохе, без прицельной игры. И именно поэтому прозвучало опаснее, чем должно.

Я поставил чашку.

— На кушетку, Виолетта.

— Так сразу? Даже кофе не допьете?

— Не испытывайте мое терпение.

— Уже нет, — невинно отозвалась она и пошла за ширму.

Через минуту я натянул перчатки и подошел к кушетке.

На этот раз она нервничала меньше. Не потому, что ей стало комфортнее, а потому что в первый прием уже был взят предел человеческого унижения, и организм, видимо, решил: хуже не будет.

Ошибся.

Я осмотрел пораженную зону быстро и молча.

Картина была уже совсем не той, что в первый день. Острый отек практически ушел, грубой гиперемии не было, слизистая выглядела значительно лучше. Но по краям сохранялось раздражение, местами — свежая яркая эритема, участки реактивного воспаления и характерное вторичное повреждение от трения.

Не новый химический ожог.

Рецидив на фоне незажившего барьера.

— Больно?

— Не так, как в первый раз. Но неприятно. И опять чешется.

Молча кивнул, закончил осмотр и отступил.

— Одевайтесь.

Пока она возилась за ширмой, я уже понимал, в какую сторону копать. Когда Ланская снова села напротив, я открыл карту.

— Что было вчера?

— В смысле?

— В прямом. Новое белье? Узкая одежда? Спортзал? Депиляция? Новый гель? Ежедневки? Секс?

— Нет!

Я молча ждал. Она вздохнула так, будто я не врач, а следователь на допросе.

— Ладно. Было... белье.

— Какое?

— Красивое.

— Это не медицинская характеристика.

— Господи, вы сейчас кайфуете, да?

Я поднял бровь.

— Виолетта.

— Кружевное и, возможно, не хлопковое.

— Возможно?

— Совсем не хлопковое и я много танцевала.

Прекрасно.

— Мазь продолжали наносить?

Она замялась и вот тут всё встало на место окончательно.

— Нет. Я решила, раз стало лучше, то уже всё.

— Разумеется.

Она подняла на меня глаза.

— Не смотрите так, будто я только что призналась в убийстве.

— Вы не пришли на контроль. Самовольно отменили лечение. Надели синтетику на незажившую область. Создавали там трение, тепло и пот. И теперь сидите у меня с рецидивом. Мне есть на что так смотреть.

Ланская вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Когда вы это говорите, я действительно чувствую себя идиоткой.

— Это полезное чувство. Иногда лечит лучше слов. Острая реакция у вас ушла — это правда. Но исчезновение жжения не означает, что ткани восстановились полностью. Эпидермальный барьер и слизистая еще были уязвимы. Вы убрали терапию раньше срока, а потом дали механическое раздражение — тесная синтетика, трение, пот, перегрев. В результате — повторное воспаление. Уже не такое тяжелое, как в первый раз, но вполне достаточное, чтобы снова испортить вам жизнь.

— То есть это не потому, что... Со мной опять что-то страшное?

— Нет. Это потому, что вы решили, будто «стало легче» равно «зажило».

— Ясно. Ну, зато хоть стабильно. Я последовательно принимаю плохие решения.

Глава 9

Виолетта

Свидание с Егором началось с того, что я пришла на десять минут раньше и пятнадцать из них потратила на то, чтобы убедить себя не выглядеть женщиной, которая мысленно уже выбирает имена будущим детям и ипотечную ставку.

Я сидела у окна в небольшом ресторане, крутила в пальцах ножку бокала с водой и изо всех сил старалась не проверять телефон каждые тридцать секунд. Вокруг было тепло, красиво и дорого ровно настолько, чтобы тканевые салфетки на столах казались старше меня по социальному статусу. Негромко играл джаз, пахло свежее испеченным хлебом, вином и чьей-то крайне успешной жизнью за соседним столиком.

Я поправила волосы, посмотрела в темное отражение окна и мысленно дала себе пощечину: *Спокойно, Виолетта. Это просто свидание. Не распределение в хороший детский дом. Не финал «Холостяка». Не последний шанс человечества.*

Хотя...

Если честно, многие сейчас могли бы задаться логичным вопросом: почему я вообще так отчаянно ищу себе парня? Почему каждая симпатичная мужская особь, умеющая связывать слова в предложения без мата, у меня автоматически попадает не просто в категорию «интересный», а в графу «а вдруг вот оно»?

А я отвечу. Проклятие.

Причем не образное, а вполне себе семейное, почти фольклорное. У нас в роду уже несколько поколений старших детей получают не только генетическую склонность к сарказму и плохому зрению, но и фирменную пожизненную подписку на одиночество. Я называю это Проклятием первенцев Ланских.

Схема там отработана до неприличия. Моя бабушка была старшим ребенком — без мужа, без официальной великой любви, зато с крепким характером, дачей и патологическим недоверием к мужчинам в кепках. Моя мама — второй ребенок. И, как видите, вполне успешно вышла замуж за папу, который до сих пор смотрит на нее как на природное явление: местами разрушительное, но горячо любимое.

Я в семье родилась первой. Потом появился мой младший брат Сашка — ходячее доказательство того, что вселенная умеет издеваться адресно. Ему двадцать пять, он уже три года живет с Ленкой, с которой они дружили еще со школы. Они пережили ЕГЭ, переезд, общагу, защиту диплома, первый ремонт, и, судя по всему, этот гад уже гуглит стоимость колец с бриллиантами. А мама делает вид, что «ничего не подслушивала», хотя слух у нее — как у летучей мыши на кофеине.

И есть я. Двадцать восемь лет. Стаж нормальных отношений — как у одноразовой зубной щетки. Мужчины в моей жизни держатся ровно неделю, максимум полторы. Семь дней — и либо выясняется, что он эмоционально недоступный овощ, либо любит себя больше, чем меня и государственную символику, либо считает нормальным экспериментировать корицей в интимной зоне, либо просто оказывается мудаком.

Поэтому да, я нервничаю. Потому что если не выйду замуж до тридцати, то так и останусь одна до конца своих дней — с микрофоном, фикусом Антоном и коробкой лечебных хлопковых трусов. А я, простите, хочу не только красиво говорить в эфир, но и чтобы кто-то дома открывал мне банку с огурцами, чесал спину и периодически спрашивал: «Ты ела?»

— Привет.

Я резко подняла голову. Егор стоял у стола и улыбался. И, господи, до чего же он был хорош. Не какой-то глянцевай, самодовольной красотой из тех, кто знает цену своим скулам и ведет себя как мебель премиум-сегмента. Нет. В нем было что-то очень живое. Светлые волосы

чуть небрежно уложены, белая рубашка, прямой взгляд — та самая спокойная уверенность, которая не давит, а расслабляет.

— Привет, — ответила я и тут же мысленно заплотировала себе за то, что голос не сорвался в ультразвук.

— Давно ждешь?

— Нет. Я просто пришла заранее, чтобы морально подготовиться.

— И как? Готова?

— Ни капли. Но я вообще редко к чему-то готова. Это моя жизненная стратегия.

— Сильная. Уважаю.

Мы заказали еду, вино, заговорили сначала о безопасном — о пробках, работе, людях, которые покупают французских бульдогов, а потом удивляются, что те храпят громче пьяного дальнобойщика. Потом разговор пошел глубже.

Оказалось, в клубе под музыку я поняла его профессию примерно так же, как моя бабушка понимает слово «стриминг». Тогда мне послышалось, что Егор работает «в проектировании». На деле всё было куда сложнее. И круче.

— Я работаю в биотехе, — пояснил он, разламывая чабатту. — У нас исследовательская компания. Разрабатываем новые лекарственные формы, сопровождаем клинические испытания, возимся с лабораториями. Если коротко — пытаемся сделать так, чтобы у человечества было чуть меньше поводов болеть.

Я моргнула. На фоне моего недавнего химического ожога тема лекарств прозвучала как изощренная ирония судьбы.

— То есть ты... буквально разрабатываешь таблетки?

— Ну, не в одиночку и не в белом плаще на фоне бьющих молний, но да, что-то около этого.

— Господи. Благородная профессия.

— Ты сказала это таким тоном, будто я только что признался, что по выходным спасаю тюленей от браконьеров.

— А разве нет?

— Нет. Только молекулы.

— Жаль. За тюленей был бы дополнительный балл.

Он снова рассмеялся. И вот в этот момент я поймала себя на очень простой и очень опасной мысли: а он мне правда нравится. Не как удачная встреча после кошмарной недели. Не как способ доказать себе, что я еще кому-то интересна. А именно как человек.

Он слушал. Запоминал. Сам шутил смешно, а не тем тяжелым мужским юмором, от которого хочется позвонить в ООН. У него были теплые руки и лицо человека, который в конфликтной ситуации сначала подумает, а не начнет орать, что «все бабы одинаковые».

Может, с этим мне повезет? Может, у судьбы все-таки есть чувство вины за коррижу?

— А если серьезно? — спросил он чуть позже, крутя в руках бокал. — Кроме радио. Что любишь?

— Есть, спать и думать, что когда-нибудь перестану влюбляться в идиотов.

— Амбициозно.

— Очень, — пожала плечами. — Люблю книжные, в которые заходишь за одной вещью, а выходишь с тремя и чувством финансовой несостоятельности. Люблю людей до того момента, пока они не начинают вести себя как люди. Люблю вкусный кофе и когда меня не торопят.

— Неплохой набор.

— А ты?

— Старые фильмы. Горы. Шахматы, в которых стабильно проигрываю онлайн каким-то школьникам из Азии. И ощущение, когда после полугода возни что-то в лаборатории вдруг начинает получаться.

— Я бы сейчас сказала что-то умное про торжество науки, но у меня в голове только мысль: какой же ты, оказывается, приличный.

— Это прозвучало как удивление.

— Потому что после последних свиданий у меня планка упала ниже плинтуса. Если мужчина не облизывает ложку на людях и не называет бывшую «сумасшедшей тварью» на первой встрече, я готова выдать ему государственную премию.

— Тогда я постараюсь не облизывать ложку.

— Спасибо. Это укрепляет мою веру в человечество.

К середине вечера я уже не следила за временем.

И мне было настолько хорошо, что стало даже подозрительно. Потому что, когда рядом человек, с которым легко, сразу вылезает моя внутренняя дура в белом платье и шепчет: *«Вот оно! Я уже вижу нашу дачу!»*

Эту дуру я старалась держать на строгом ошейнике. Но она уже мысленно заказывала фату.

— Слушай, у меня к тебе немного странное предложение.

Ну всё, мысленно сжалась я. Сейчас прозвучит: «поехали посмотрим на мой мотоцикл» или «а давай спонтанно рванем в Питер».

— Насколько странное?

— Не криминальное и без корицы, обещаю.

— Это сразу плюс сто очков гриффиндору.

— Завтра вечером у нас будет один прием. Полуофициальный. Мероприятие от компании. Там будут коллеги, инвесторы, люди из науки, немного пафоса, много разговоров про исследования и вино, которое все делают вид, что умеют оценивать. У меня есть приглашение на двоих. Пойдешь со мной?

— Это свидание второго уровня сложности? Когда после ресторана сразу переходишь на прием с людьми, которые знают слова вроде «когезия» и «полимеризация»?

— Примерно так.

Я посмотрела на него и поняла, что хочу пойти. Да, это было быстро. Мой внутренний комитет по осторожности поднял бровь и что-то записал в протокол. Но когда обаятельный мужчина с благородной профессией и нормальным словарным запасом зовет тебя в свет — это не то, что нужно долго анализировать.

Где-то глубоко внутри та самая дура уже искала в интернете свободные даты в ЗАГСе.

На следующий день у меня дома собрался экстренный военный совет в составе Машки, Леры и бутылки игристого, которую они принесли под видом моральной поддержки.

— Итак, — объявила Маша, швыряя куртку на стул. — Где этот кандидат в мужья и почему мы еще не проводим аудит его соцсетей до седьмого колена?

— Потому что вы страшные женщины, — сказала я, вытаскивая из шкафа вешалки с платьями.

— Именно поэтому мы твои лучшие подруги, — напомнила Лера, профессионально сканируя кровать с вещами. — Так. Сколько у нас времени до выхода?

— Два часа.

— Отлично. Этого достаточно, чтобы сделать из тебя женщину, при виде которой на научном приеме кто-нибудь подавится канапе.

— Хотелось бы без летальных исходов.

— Слабачка, — фыркнула Маша.

Я вывалила на кровать всё, что формально считалось «приличным». Черное — слишком клубное. Изумрудное — красивое, но в бедрах настолько облегающее, что даже моя почти

вылеченная «прелесть» взывала бы от клаустрофобии. Темно-синее — делало меня похожей на строгую учительницу.

И наконец — *то самое*. Платье цвета красного вина. Струящийся шелк, тонкие бретели, открытая спина и длина чуть ниже колена. То самое идеальное «я сегодня случайно прекрасна, но могу обсудить с вами и Канта, и налоги».

— Вот это, — безапелляционно заявила Лера. — Даже не думай смотреть на другие. В нем ты выглядишь так, будто у тебя очень дорогой адвокат.

— Это комплимент?

— Огромный.

Я ушла переодеваться, влезла в платье и вернулась в комнату. Волосы я уже уложила мягкими волнами, макияж — классические стрелки и нейтральные губы. Я повернулась к зеркалу и, если честно, сама чуть не присвистнула. Выглядело роскошно.

Но была одна проблема. Точнее, она уже была *на мне*.

Проблема называлась: «Медицинские рекомендации доктора Разумовского». А именно — мои замечательные, бесконечно полезные, лечебные хлопковые трусы телесного цвета размером с небольшую палатку. Под тонким, струящимся шелком винного платья их контуры проступали так явно, словно я пыталась тайно пронести на прием подгузник.

Посмотрела в зеркало.

Потом на девчонок.

— Нет.

— Что нет? — не поняла Маша.

— Трусы — нет. Посмотрите на этот рельеф.

Маша подошла ближе, прищурилась, и лицо у нее стало очень серьезным. Как у сапера.

— Так, — протянула она. — Да. Трусы — это действительно катастрофа.

Лера, как человек рациональный, тут же выдала решение:

— А бесшовные стринги есть?

— Есть. Но они — сплошная синтетика. А мне сейчас это *категорически* нельзя. Дерматолог запретил.

— Тот самый красавчик-садист? — уточнила Маша.

— Он самый.

В глазах Машки внезапно вспыхнул тот самый дьявольский огонек, который обычно предвещает либо гениальную идею, либо уголовное дело. Она медленно отпила шампанского.

— Тогда не надевай их вообще.

— В смысле?

— В прямом. Иди без белья.

— Маш, я и так последние три недели живу как человек после интимной техногенной катастрофы! Ты сейчас предлагаешь мне пойти на пафосный научный прием с голым Хищником?!

Лера внезапно щелкнула пальцами.

— А логика в этом есть.

— И ты туда же?!

— Ви, послушай, — Лера включила режим продюсера. — Ткань платья мягкая, силуэт свободный, ничего не жмет. С медицинской точки зрения, это даже лучше, чем запихивать твоего многострадального Хищника в синтетическую удавку. Воздух циркулирует. Врач бы одобрил!

— Я очень сомневаюсь, что Разумовский одобрил бы мою голую задницу на светском рауте!

— А он и не узнает, — логично парировала Маша. — Снимай парашют. Люблю, когда ты на стороне элегантного разврата.

— Это не разврат! Это вынужденное медицинское решение!

— Самые лучшие решения — всегда слегка незаконны.

Прием проходил в одном из тех стеклянных отелей в центре, где даже воздух пахнет статусом, дорогим парфюмом и грантами.

Когда мы подъехали, я на секунду зависла у входа, глядя на высокие двери, мягкий золотистый свет и людей, которые двигались с той расслабленной уверенностью, какая бывает только у тех, чье имя на бейдже напечатано без ошибок.

Егор, как всегда, будто почувствовал мою микропанику.

— Всё нормально?

Я посмотрела на него. На темный костюм, идеально сидящий по плечам. На спокойный, поддерживающий взгляд.

— Конечно. Я просто пытаюсь вести себя так, будто каждый день хожу на научные конгрессы без трусов.

Егор замер. Потом очень медленно, показательно кашлянул.

— Мне кажется, моя психика не была готова к этой информации.

— Поздно. Живи с этим.

— Я восхищен твоим уровнем доверия.

— Это не доверие, Егор. Это крик о помощи.

Первые двадцать минут всё было даже приятно. Красивый зал с высокими потолками, живая джаз-банда в углу, официанты с шампанским, приглушенный гул умных разговоров. Потом началось то, что я про себя назвала «наступлением инопланетян».

Стоило Егору отойти поздороваться с коллегой, как я тут же оказалась в радиусе слышимости трех бесед, состоящих из слов:

— *таргетная доставка,*

— *фармакокинетика,*

— *полимерная матрица,*

— *биодоступность.*

Сначала я честно делала заинтересованное лицо. Потом просто взяла бокал шампанского и начала мысленно переводить это на человеческий. *Полимерная матрица*— видимо, очень умная губка для мытья молекул. *Фармакокинетика*— когда лекарство бежит по организму, как я по редакции перед эфиром. *Биодоступность*— насколько охотно тело говорит таблетке: «заходи, чувствуй себя как дома».

Егор вернулся, ловко вытаскивая меня из толпы мужчин, спорящих о клинических фазах.

: — Прости. Тебе уже хочется сбежать?

— Нет, что ты. Я только что почти поняла смысл разговора у колонны и теперь чувствую себя полноправным членом межгалактического совета.

— Еще полчаса, и ты начнешь различать диалекты.

Но даже сучая в научном диспуте, я не могла не признать: рядом с ним мне было невероятно комфортно. Он не бросал меня, аккуратно включал в разговоры, держал руку на моей талии (от чего по спине бежали мурашки из-за отсутствия белья), и ни разу не сделал вид, что я — просто красивое приложение к его костюму.

Через какое-то время он мягко потянул меня в сторону.

— Идем. Познакомлю тебя с человеком, из-за которого я вообще был обязан сюда прийти.

— С директором галактики?

— Почти. С моим боссом.

Мы подошли к группе людей у дальнего стола. Там стоял мужчина лет тридцати пяти, высокий, светловолосый, в темно-синем костюме. В нем было что-то удивительно не пафосное. Он разговаривал так, будто через пять минут пойдет жарить шашлыки на даче.

— Евгений Андреевич, — позвал Егор. Мужчина обернулся и улыбнулся так легко и открыто, что я моментально выдохнула.

— О, наконец-то. А я думал, ты сбежал, — сказал он, а затем перевел внимательный взгляд на меня. — А, нет. Вижу, причина для опоздания более чем уважительная.

— Это Виолетта, — представил меня Егор. — Ви, это Евгений Барановский. Человек, из-за которого я знаю о полимерах больше, чем хотел бы.

Я улыбнулась и протянула руку.

— Очень приятно.

— Взаимно, Виолетта, — ответил Евгений с теплым рукопожатием. — Наслышан о вас.

Я подозрительно покосилась на Егора.

— Надеюсь, в хорошем смысле?

— Исключительно.

Евгений мне понравился. В нем была легкость умного человека, которому давно не нужно ничего доказывать. Он расспросил про мое радио, искренне заинтересовавшись подкастом, и мы даже успели пошутить про то, что гуманитарии в этом зале — как исчезающий вид.

Я почти расслабилась.

Чувствовала себя красивой, остроумной и желанной женщиной на идеальном свидании.

А потом за моей спиной кто-то подошел, и до боли знакомый, низкий, бархатный, пробирающий до костей голос произнес:

— Прости, Жень. Пробки.

Земля под моими ногами на секунду перестала быть стабильной конструкцией. Евгений просиял.

— Наконец-то! Я уже думал, ты не доедешь. Знакомьтесь...

Я как в замедленной съемке повернула голову. И увидела его.

Разумовский.

В идеальном темном костюме, без своего медицинского халата, который обычно служил барьером между его нечеловеческой красотой и моей нервной системой. Волосы чуть влажные после улицы. На лице — то самое фирменное непрошибаемое спокойствие. Глаза — невозможная, густая зелень.

Он пожал руку Евгению, слегка кивнул Егору и только потом, машинально скользнув взглядом дальше, увидел меня.

Замер. Всего на долю секунды. На один жалкий удар сердца. Но я это заметила.

И в этот самый момент внутри меня одновременно: остановилось сердце, вспотели ладони, испарился весь наработанный лоск, а где-то в глубине души трагически, с надрывом, завыл мой голый, ничем не прикрытый Хищник.

Ну конечно.

А как иначе?!

Стоило мне надеть лучшее платье, пойти на свидание мечты с прекрасным мужчиной, снять трусы и оказаться в центре светского раута, говорящего на фармакологическом эльфийском...

Именно в эту секунду вселенная решила столкнуть меня нос к носу с дерматологом, который лечит мою обожженную промежность.

Глава 10

— Виолетта, — произносит Разумовский.

Я стою, намертво вцепившись пальцами в вечернюю сумочку, и чувствую, как под идеальным платьем цвета красного вина (под которым, напомним, нет ни миллиметра белья) по спине катится холодная капля пота.

— Вы знакомы? — почти хором спрашивают Егор и Евгений.

— Он это...

— Виолетта — моя пациентка, — ровно, но слишком быстро перебивает Разумовский.

Евгений, этот милый, обаятельный босс Егора, который только что рассуждал о полимерах и казался мне воплощением тактичности, вдруг замирает.

Он переводит взгляд с меня на Разумовского, потом снова на меня. Уголки его губ предательски ползут вверх.

— Хищник?

Время в зале останавливается.

Гул чужих голосов, звон бокалов, джаз — всё это превращается в глухой белый шум.

Я медленно, как в фильме ужасов, поворачиваю голову к своему врачу.

Разумовский не смеется.

Его идеальное лицо каменеет, челюсти сжимаются так, что на скулах проступают желваки.

— Вы что, рассказываете обо мне?

— Что за Хищник, я не пойму? — хмурится Егор, делая шаг ближе ко мне.

— Я не обсуждаю пациентов, — чеканит Разумовский, глядя мне прямо в глаза. — Существует врачебная тайна.

— Тайна? — цежу сквозь зубы, не обращая внимания ни на Егора, ни на Евгения, который уже осознал, что совершил фатальную ошибку, и теперь выглядит как провинившийся школьник. — Какая потрясающая у вас тайна, Григорий Васильевич. Такая бережная, что начальство моего спутника в курсе, как выглядит моя промежность.

— Виолетта, успокойтесь и не делайте поспешных выводов. Ни имен, ни диагнозов не звучало. Запомнилась только ваша фраза. Не более.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри рушится что-то хрупкое, что я, сама того не желая, успела себе придумать.

Он сейчас серьезно? Он стоит здесь, в идеальном костюме, пахнет дорогим парфюмом и на голубом глазу заявляет мне, что использовать мою панику ради красного словца перед друзьями — это нормально, потому что он «не назвал имя»?

— Вы — светило. Вы сидите в своем кабинете, смотрите на людей сверху вниз и строите из себя непробиваемого профессионала. Я перед вами на кресле лежала, трясясь от страха и стыда. Я доверила вам то, что женщина вообще доверяет только врачу. А вы просто пошли пить пиво и сделали из меня байку?

Разумовский делает короткий вдох, его глаза темнеют.

— Вы переходите границы.

— Это вы их перешли. Вы просто сплетник с хорошим дипломом.

Резко разворачиваюсь к Егору. Тот стоит с таким лицом, будто его пригласили на премьеру классического балета, а на сцене вдруг началась поножовщина.

— Егор, ты обещал спасти меня, если станет некомфортно. Мне некомфортно. Я хочу уйти. Сейчас.

Он мгновенно выходит из ступора.

— Да. Конечно. Идем.

Он даже не прощается со своим боссом, просто кладет ладонь мне на талию и уводит сквозь толпу.

Я иду прямо, глядя перед собой. Не замечаю ни шелковых платьев, ни света хрустальных люстр. Спину жжет — то ли от того, что платье слишком открытое, то ли от тяжелого, сверлящего взгляда Разумовского, который, я знаю, смотрит мне вслед.

Мы почти доходим до гардероба, когда идеальный план побега дает трещину.

Из бокового коридора нам наперерез вырывается тучный седовласый мужчина с бокалом коньяка. По его виду понятно: бейджик ему не нужен, он здесь из тех, кто покупает и продает лаборатории до завтрака.

— Вязанцев! — радостно гремит он, перехватывая Егора за локоть. — Ищу тебя! Идем, там швейцарцы приехали, надо срочно закрыть вопрос по второй фазе. Прямо сейчас.

— Виктор Николаевич, я сейчас немного...

— Иди. Всё нормально. Я подожду тебя здесь.

— Уверена? — он хмурится.

— Абсолютно. Иди спасай науку.

Начальник уже нетерпеливо тянет его за собой, и Егор, бросив на меня извиняющийся взгляд, скрывается в толпе.

Я остаюсь одна в нише у высокой декоративной колонны. Прислоняюсь к ней плечом, прикрываю глаза и делаю медленный вдох.

Господи. Какой позор. Мой внутренний Хищник прямо сейчас пакует чемоданы, чтобы навсегда уехать в монастырь.

— Вы феноменально умеете выставлять себя в невыгодном свете, — раздается сбоку спокойный, до зубовного скрежета знакомый голос.

Я вздрагиваю и резко открываю глаза.

Разумовский.

Он стоит в двух шагах. Одну руку сунул в карман брюк, смотрит на меня с той самой холодной, рассудительной уверенностью человека, который пришел свести счеты. Ни капли раскаяния на породистом лице.

— Разве по моему бегству не было очевидно, что я не хочу вас ни видеть, ни слышать?

Он пожимает плечом — лениво, почти грациозно.

— Ваше право. Лечиться дальше вы можете где угодно, но я проясню один момент, Виолетта. Была произнесена ровно одна смешная фраза. Вне контекста. Ни обсуждения вашей интимной жизни, ни анатомических подробностей, ни вашего имени не было. Я не выдавал вашу личность. Врачебную этику я не нарушал.

Он делает шаг ближе.

— Зато ваши обвинения, прозвучавшие только что перед уважаемыми людьми, были истеричными и беспочвенными. Вы сами себя рассекретили. И вот это действительно глупо.

Смотрю на него, хватая ртом воздух.

Он меня еще и отчитывает?!

Вынес мои речевые обороты из кабинета, а теперь я же еще и истеричка, сорвавшая ему светскую беседу?

— Вы просто невыносимый сноб.

— А вы сначала кричите, а потом думаете, — парирует он без малейшей запинки.

Мой взгляд невольно скользит поверх его плеча и цепляется за Егора. Тот стоит у дальнего стола, окруженный швейцарцами, но смотрит в нашу сторону.

Разумовский прослеживает мой взгляд.

— Маленький совет, — вдруг произносит он другим, странно отстраненным тоном.

— Оставьте свои советы для платных приемов.

— И тем не менее. Не торопитесь с Вязанцевым.

Вскидываю брови.

— Вы теперь не только мой дерматолог, но и куратор личной жизни?

— Во-первых, вам пока категорически нельзя. Это я вам как лечащий врач говорю, — его тон становится невыносимо медицинским, и у меня моментально вспыхивают уши от контраста ситуации: роскошный зал, открытое платье, и мужчина, ледяным тоном напоминающий о моем интимном диагнозе. — А во-вторых, Егор... игрок. Если ищите чего-то серьезного — это не по адресу.

Усмехаюсь.

— По себе людей не судят, Григорий Васильевич.

— Вы правы. Мне совершенно нет до этого дела. Хорошего вечера, Виолетта. И поправляйтесь.

Он коротко кивает и разворачивается.

Я стою, прижавшись к холодной колонне, и смотрю, как его широкая спина скрывается в толпе. Внутри колотится сердце, а в голове пульсирует только одна мысль: какая же он всё-таки самоуверенная, бестактная, невыносимая заноза.

Егор возвращается минут через семь. У него вид человека, который только что отбился от налоговой проверки: галстук чуть сбит, в глазах извиняющаяся усталость.

— Ви, прости ради бога. Вцепились мертвой хваткой... Ты бледная. Он еще что-то сказал?

— Нет. Ничего. Всё нормально, — заставляю себя натянуть улыбку. — Просто я правда очень устала. Поехали отсюда.

Всю дорогу в такси я молчу, отвернувшись к окну. Егор не лезет с расспросами, за что я мысленно накидываю ему баллы.

Мне бы расслабиться, прижаться плечом, почувствовать себя нормальной женщиной... но в голове набатом бьют слова Разумовского.

«Он игрок».

С чего бы?

Разумовский просто решил уколоть меня напоследок, потому что я задела его это. Обычная мужская солидарность с примесью уязвленного самолюбия.

Такси тормозит у моего подъезда. Мы прощаемся.

А вот когда я поднимаюсь в свою квартиру, закрываю дверь и стягиваю через голову это чертовое платье, оставшись посреди темной спальни абсолютно голая, меня накрывает.

Я падаю на кровать лицом в подушку и издаю глухой стон.

Господи. Какая же я идиотка.

Мозг, лишенный необходимости держать оборону, начинает методично, кадр за кадром, прокручивать сцену в отеле.

«Ни обсуждения интимной жизни, ни вашего имени не было. Вы сами себя рассекретили».

Переворачиваюсь на спину и смотрю в темный потолок.

Он ведь прав.

Абсолютно, кристально, бесяче прав.

Разумовский не говорил Евгению: «Слушай, ко мне тут пришла Виолетта Ланская с ожогом вульвы». Он просто ляпнул прикольную фразу.

А кто устроил шоу?

Кто сложил два и два на глазах у начальства моего спутника?

Кто начал шипеть и орать про «мою прелесть»?

Я.

Я сама выдала себя с потрохами. И не просто выдала, а еще и прилюдно отчитала уважаемого врача, обвинив его в гнильце.

— Виолетта, ты неисправимая дура, — произношу вслух в тишину комнаты.

Мне становится так стыдно, что хочется физически уменьшиться в размерах. Заползти под паркет.

Я наехала на человека, который спас мою кожу, наехала грубо, даже не разобравшись. И теперь мне с этим жить.

И самое ужасное — мне всё еще нужно идти к нему на контрольный прием.

Натягиваю пижаму, иду в ванную, выдавливаю на палец его спасительную мазь и, глядя в зеркало на свое бледное лицо, понимаю: я ненавижу быть неправой. А еще больше я ненавижу осознавать, что мне придется извиняться перед этим зеленоглазым красавчиком, который и без того смотрит на меня как на сложного подростка.

Глава 11

— А Григорий Васильевич сегодня не принимает? — растерянно спрашиваю, застыв на пороге кабинета.

Вместо широкоплечего, зеленоглазого сноба в идеально выглаженном халате за столом сидит женщина. На вид ей около пятидесяти: строгие очки в тонкой оправе, аккуратно собранные в пучок русые волосы и выражение лица человека, который в этой жизни видел всё и даже немного больше.

Она поднимает на меня глаза от монитора.

— У Григория Васильевича мини отпуск — чеканит она профессиональным, поставленным голосом. — Я его заменяю. Анна Сергеевна. Вы Ланская? На контрольный осмотр?

— Да. Ланская.

— Проходите, закрывайте дверь, — кивает на ширму. — Раздевайтесь и на кушетку.

Внутри меня творится что-то невообразимое.

С одной стороны — колоссальное, просто гигантское облегчение. Всю прошлую ночь и сегодняшнее утро я репетировала перед зеркалом свою извинительную речь. Выстраивала фразы так, чтобы прозвучать взрослой, адекватной женщиной, которая осознала свою неправоту на приеме в отеле, но при этом не собирается падать в ноги и вымаливать прощение. Я готовилась встретить его ледяной взгляд, готовилась к этому невыносимому напряжению между нами.

А его просто нет.

С другой стороны — и я старательно гоню от себя эту мысль, запихивая ее на самые задворки сознания — где-то под ребрами царапает дурацкий, совершенно иррациональный укол разочарования.

Какого черта, Виолетта? Ты должна радоваться! Тебя сейчас будет осматривать женщина! Мечта сбылась!

Я послушно стягиваю джинсы и забираюсь на кушетку.

Анна Сергеевна подходит, натягивая перчатки. Включает лампу. Никакого бархатного голоса, обволакивающего сознание. Никаких длинных пальцев, от одного вида которых бросает в жар. Никаких искр в воздухе. Просто обычный, рутинный, скучный медицинский осмотр.

Как же это... прекрасно.

— Так, посмотрим, — бормочет врач, аккуратно раздвигая кожу. — Угу... Угу... Ну, что я могу сказать.

Замираю, вцепившись в дерматин кушетки.

— Всё плохо? Хищ... то есть, воспаление вернулось?

— Какое воспаление? — Анна Сергеевна выключает лампу и со щелчком стягивает перчатки, отправляя их в мусорное ведро. — Всё у вас хорошо, Ланская. Кожа чистая, эритемы нет, эпидермальный барьер восстановился полностью. Слизистая в норме.

Приподнимаюсь на локтях, боясь поверить своим ушам.

— То есть... я здорова?

— Абсолютно. Григорий Васильевич назначил вам отличную схему. Можете одеваться.

Спрыгиваю с кушетки так резво, будто мне снова восемнадцать.

— И мазать больше ничем не надо?

— Не надо. Выдыхайте. Живите обычной жизнью. Единственное — синтетику и кружева я бы рекомендовала отложить еще хотя бы на недельку, чтобы не провоцировать ткани. А в остальном — вы полностью здоровы.

Когда выхожу из клиники на улицу, меня буквально распирает от эйфории.

Всё! Конец!

Эпопея с химическим ожогом, страхами, мазями, аптеками и унижительными осмотрами официально завершена. Мое тело снова принадлежит только мне, и оно в полном порядке.

Делаю глубокий вдох. Воздух кажется каким-то особенно вкусным. Достая телефон, щурясь от яркого дневного солнца, и открываю контакты. Нахожу номер мамы.

— Вилка! — тут же раздается в трубке бодрый, чуть тревожный голос. — Что случилось? Ты чего в такое время звонишь?

Смеюсь.

— Ничего не стряслось. Наоборот. У меня всё отлично.

Я иду по тротуару, пиная желтый кленовый лист, и чувствую, как с плеч сваливается бетонная плита, которую я таскала на себе последние несколько недель.

Еще вчера, увидев мое помятое, бледное лицо, Лера в редакции постучала ручкой по столу и сказала: «Так, Ланская. У нас записано три подкаста вперед. Костя новости отчитает, не переломится. А ты берешь два дня отгула и присоединяешь их к выходным. И чтобы я тебя здесь не видела, пока у тебя глаза не перестанут выглядеть как у спаниеля в депрессии».

— Mam, что вы с папой делаете в выходные?

— Ой, да что мы делаем, папа в гараже собирался свои железки перебирать, я хотела окна помыть, пока совсем не похолодало. А что?

— Отменяй окна. Вари борщ.

На том конце провода тишина. А потом раздается такой радостный визг, что мне приходится отодвинуть телефон от уха.

— Вилочка! Ты приедешь?!

— Приеду, мам. На радио дали пару дней отдыха. Лера меня чуть ли не пинками выгнала с работы, сказала идти восстанавливать нервную систему. Так что я сегодня вечером соберу вещи, а завтра утром три часа дороги и буду у вас.

— Ой, Господи! — мама тут же начинает суетиться, я прямо слышу, как она заметалась по кухне. — Витя! Витя, иди сюда! Вилка завтра приезжает! Так, мне нужно на рынок! Мясо купить, сметану домашнюю, ты же любишь сырники! А Сашке звонила? Пусть с Ленкой тоже приезжают!

— Mam, не суетись, пожалуйста. Я просто хочу приехать, выспаться, поесть твоей еды и подышать нормальным воздухом, а не московскими выхлопами.

— Выспишься, всё сделаем! Какое счастье. Мы так соскучились, доченька.

— Я тоже соскучилась, мам. Очень. Завтра скину время прибытия. Целуй папу.

Я сбрасываю вызов и прячу телефон в карман пальто.

Всё складывается как нельзя лучше. Мне критически нужна эта пауза. Мне нужно уехать из Москвы, пропасть с радаров, выдохнуть. Подальше от Егора, с которым я пока не понимаю, как себя вести после того скомканного вечера.

И, самое главное, подальше от клиники кожных патологий и одного конкретного врача, перед которым мне так и не удалось извиниться.

Я здорова.

Я свободна.

Впереди меня ждет дом, папины шутки, мамин борщ и целых четыре дня абсолютного спокойствия. И никто, абсолютно никто не сможет мне их испортить.

Именно так я думала.

Наивная, святая простота.

Уже на следующее утро, сидя за родительским кухонным столом и уплетая мамины божественные блинчики, я поняла, что план «абсолютное спокойствие» дал гигантскую трещину. Трещина носила имя Виктор, доводилась мне родным отцом и сейчас упорно прятала правую руку под стол.

— Покажи, — требовала мама, нависая над ним с кухонным полотенцем наперевес.

— Да царапина это! В гараже об железку какую-то приложился, солидолом мазнул, всё заживет как на собаке, — басил отец, пытаясь отодвинуться от нее подальше.

Я со вздохом отставила кружку с чаем, подошла и бесцеремонно вытащила его руку на свет. И чуть не поперхнулась. На предплечье красовалось жуткое, багрово-синее пятно с шелушением, мокнущими краями и явным отеком.

— Солидолом?! Ты туда еще подорожник плюнь, чтобы наверняка гангрену получить.

— Да ерунда! Само отвалится.

— Отвалится. Вместе с рукой. Собирайся. Мы едем в поликлинику. Прямо сейчас.

Уговорить папу оказалось сложнее, чем провести прямой эфир с пьяным депутатом, но через сорок минут мы всё же стояли в коридоре нашей местной городской поликлиники.

Здесь не было глянцевого пола

Здесь пахло старой хлоркой, валерьянкой и безысходностью. Облезлый линолеум, скрипучие дерматиновые банкетки и очередь из суровых бабушек, готовых биться за талончик к врачу насмерть.

Нам чудом повезло втиснуться по «острой боли» в кабинет дежурного дерматолога.

— Дочь, может, я пойду в машину, а? Само пройдет, — жалобно протянул папа, когда бабушка перед нами наконец-то покинула кабинет.

— Сидеть! — рявкнула я так, что две пенсионерки на соседней лавочке уважительно закивали. — Я с тобой зайду, чтобы ты не сбежал и снова не начал лечиться солидолом.

Решительно распахнула хлипкую дверь с табличкой «Кабинет 12» и буквально втокнула отца внутрь.

Кабинет был крошечным, с облупившейся салатовой краской на стенах и допотопным шкафом для медицинских карт. Врач сидел ко мне спиной, что-то быстро печатая на клавиатуре старенького компьютера. На нем был простой, чуть помятый белый халат.

— Здравствуйте, у отца сильное воспаление после контакта с химикатами в гараже. Он сопротивлялся, но я его притащила. Посмотрите, пожалуйста.

— Проходите. Раздевайтесь по пояс и садитесь, — ответил врач, не оборачиваясь.

Мое сердце ухнуло куда-то в район пяток и там остановилось.

Этот голос.

Низкий. Бархатный. Пробирающий до костей. С этими невыносимо знакомыми, спокойными интонациями, которые я слушала, лежа в позе лягушки в трехстах километрах отсюда.

Врач развернулся на скрипучем стуле. Зеленые, пронизательные глаза профессионально мазнули по моему отцу, а затем медленно перевелись на меня.

Его идеальное, породистое лицо, казавшееся абсолютно инородным в этом убогом кабинете, на секунду застыло.

Григорий Васильевич Разумовский. Светило московской дерматологии. Прямо здесь, в нашей обшарпанной районной поликлинике.

— Ланская?

— Нет.

Глава 12

Григорий

Запах дешевой хлорки, въевшийся в старый линолеум, скрип разошедшихся стульев и мерное гудение доисторического системного блока под столом.

Здесь не было глянцевого пола, аромата дорогого кофе в зоне ожидания и администраторов с идеальными улыбками.

Здесь вообще ничего не было от той выверенной, стерильной роскоши, к которой я привык в своей московской клинике.

И именно поэтому я приезжал сюда каждые полгода.

Мой «мини-отпуск». Так я это называл для Жени и администраторов, которые вечно закатывали глаза, когда я вычеркивал из своего плотного графика целую неделю.

Никто из них не знал, что свой отпуск я провожу не на Мальдивах и не в шале, а в обшарпанном кабинете районной больницы провинциального городка.

Волонтерство.

Мой личный способ заземлиться.

Медицина, особенно в частном секторе, — коварная штука. Стоит тебе пару лет подряд послушать, какой ты гениальный и незаменимый как у тебя начинает развиваться синдром Бога. Или, говоря проще, ты зазвездился. А здесь, в кабинете с осыпающейся салатной штукатуркой, где люди приходят не за «эстетикой», а с запущенными дерматозами и ожогами, корона с головы слетает моментально.

Здесь ты не светило. Ты просто врач, который должен помочь.

Но была и вторая, куда более веская причина.

Главврач этой больницы, Петр Ильич.

Человек, который много лет назад увидел во мне искру. Он помог пробиться. Выбил целевое направление, прикрывал, когда я косячил на первых курсах, и, по сути, сделал всё, чтобы я стал тем, кем являюсь сейчас.

Я ненавидел быть в долгу.

Но этот долг я отдавал с удовольствием.

Когда у Петра Ильича увольнялся очередной специалист или начинался сезонный завал, я просто садился в машину, ехал за триста километров и брал смены.

— Здравствуйте, у отца сильное воспаление после контакта с химикатами в гараже. Он сопротивлялся, но я его притащила. Посмотрите, пожалуйста.

Мои пальцы замерли над клавиатурой.

Этот голос. Быстрый, чуть сбивчивый, с этими невыносимо знакомыми, звонкими интонациями.

Да быть этого не может.

— Проходите. Раздевайтесь по пояс и садитесь.

Развернулся на скрипучем стуле.

Передо мной стоял крупный седой мужчина с виноватым выражением лица. А рядом с ним...

В джинсах, в каком-то уютном безразмерном кардигане, с растрепанными волосами и глазами, которые сейчас напоминали два блюда, полных абсолютного ужаса.

— Ланская?

— Нет.

Я едва не рассмеялся в голос, разглядывая это потрясающее в своей наглости отрицание реальности.

— Нет?

— Я не она, — пискнула Виолетта, отступая на полшага назад.

— Поразительное сходство, а ваша сестра-близнец Виолетта знает, что вы носите ее лицо и голос?

Ее отец, уже наполовину стянувший клетчатую рубашку, перевел растерянный взгляд с меня на дочь.

— Вилка, ты чего? Вы знакомы, что ли?

— Нет!

— Да, — одновременно с ней ответил я. — Мы пересекались в Москве. Медицинский мир тесен. Присаживайтесь, — кивнул мужчине на стул рядом со мной. — Показывайте, что у вас.

Он грузно опустился на стул, вытянув руку. Виолетта осталась стоять у двери, напоминая соляной столб. Я физически ощущал, как в ее голове сейчас искрят и коротят провода.

Надел перчатки и склонился над рукой отца.

— Солидол, бензин или тормозная жидкость? — спросил я, осматривая багрово-синее пятно с отеком.

— Ну... там смесь была. Я оттирал, потом мазнул солидолом, чтоб не сохло.

Поднял на него глаза.

— Солидолом. Химический ожог.

— Ну деды же мазали!

— Деды, уважаемый, до пятидесяти лет доживали и считались долгожителями. А у вас контактный дерматит, осложненный химическим ожогом и, судя по всему, вторичной инфекцией, потому что солидол создал идеальную пленку для размножения бактерий.

— Я ему говорила! — вдруг ожила у двери Виолетта. — Я ему говорила, что он себе руку отгноит!

— И были абсолютно правы, — согласился я, снимая перчатки. — Вам повезло, что дочь вас притащила. Еще пара дней, и мы бы тут не мазями спасались, а в хирургии гной резали.

Мужчина побледнел.

— Выпишу вам рецепт. Антибиотик широкого спектра, мазь с кортикостероидом и антисептик. Сейчас пройдете в процедурный кабинет по коридору направо. Скажете Ниночке, что от меня. Она вам промоет всё по правилам и наложит стерильную повязку. Потом вернетесь за рецептом.

— Понял, доктор. Спасибо, — он проворно подхватил рубашку и выскочил за дверь, явно радуясь возможности сбежать от нотаций.

Дверь за ним захлопнулась.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только гудением системного блока.

Я откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и приготовился к спектаклю. Ждать долго не пришлось.

Виолетта отлипла от стены. В ее глазах паника мгновенно сменилась праведным, горящим возмущением. Она сделала два шага к моему столу, уперлась в него руками и угрожающе нависла надо мной.

— Вы что меня преследуете?!

— Простите?

— Вы меня преследуете! — повторила она громче, ее ноздри смешно раздувались. — Как вы узнали, где я живу?! Зачем вы сюда приехали?! Это маньячество, Разумовский! Я понимаю, что я вас отчитала на том приеме, но ехать за мной в другой город, чтобы... чтобы что?! Отомстить?!

— Виолетта Максимовна, давайте включим ту часть вашего мозга, которая отвечает за критическое мышление.

— Она у меня включена!

— Очевидно, нет. Потому что если бы она работала, вы бы заметили один простой факт.

— Какой еще факт?!

— Я сижу на своем рабочем месте. За столом. В кабинете, за которым закреплен. Я нахожусь здесь с восьми утра.

Она моргнула.

— И что?

— А то, Виолетта, что это вы зашли в этот кабинет и вы привели сюда своего отца. Учитывая законы физики и логики, если в этой комнате кто-то кого-то и преследует, то это вы — меня.

Ланская открыла рот. Потом закрыла. Потом снова открыла.

Ее лицо начало стремительно заливаться краской. От шеи до самых корней волос. Это было настолько выразительно, что я мысленно поставил диагноз: острая реакция осознания собственной глупости.

— Но... вы же в Москве! Что вы делаете в нашей поликлинике, где на стенах грибок, а аппарат УЗИ помнит Брежнева?!

— Лечу людей, Виолетта. Удивительное совпадение с моей профессией, не находите?

Она закрыла лицо руками и издала сдавленный, мученический стон.

— За что мне это... — простонала сквозь пальцы. — Почему именно вы? Я же приехала сюда, чтобы спрятаться от вас!

— Спрятаться? — я приподнял бровь. — От меня? Зачем?

Она резко убрала руки.

— Затем, что я вела себя как дура на том приеме! Затем, что я сама себя спалила, наорала на вас при вашем друге, обвинила в нарушении этики, а потом полночи лежала и понимала, что вы вообще-то ничего такого не сделали, а я устроила цирк! И мне было стыдно! И я не хотела извиняться! И я приехала сюда, к маме на борщ, чтобы забыть этот позор, а тут сидите вы!

Она выдохнула, тяжело дыша, словно только что пробежала стометровку.

Я смотрел на нее, и мое лицо оставалось совершенно непроницаемым. Хотя внутри, признаться честно, я ликовал.

— Это было самое экспрессивное извинение в моей практике.

— Это не извинение! Это констатация факта!

— Хорошо. Я принимаю вашу констатацию факта.

Ланская снова замерла, подозрительно шурясь.

— Вы что, не будете меня отчитывать?

— Зачем? Вы сами справляетесь с этим блестяще.

Она сдулась. Как шарик, из которого выпустили воздух. Плечи опустились, она плюхнулась на стул, который только что освободил ее отец, и посмотрела на меня уже без злости. Просто с какой-то тотальной, искренней усталостью.

— Григорий Васильевич, — тихо сказала она. — Вы же не местный.

— Нет.

— Значит, вы приезжаете сюда временно.

— Верно.

— Вы верите в проклятья? Ну, знаете, в то, чтобы при любых обстоятельствах, в любой точке карты я попадала в самые идиотские ситуации именно перед вами?

Я не выдержал.

Уголки моих губ дрогнули, и я тихо, коротко рассмеялся.

Виолетта замерла, глядя на меня так, словно я только что превратился в единорога.

— Что касается проклятий, медицина бессильна, — ответил, возвращая себе самообладание, хотя сделать это было уже сложнее. — Но если вам станет легче, то я рад, что вы приехали.

— Рады?

— Вы не пришли на контрольный прием в Москве. И я не мог закрыть вашу карту. Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Ваша коллега, Анна Сергеевна, сказала, что я полностью здорова. Мой Хищник официально переведен в статус безобидного домашнего котенка.

Я кивнул, не поднимая глаз от бумаги.

— Рад это слышать. Кружева всё еще под запретом на неделю, надеюсь, она вам это сказала.

— Сказала.

Я поставил печать на рецепт, оторвал листок и протянул ей. Она взяла бумагу, старательно избегая моего взгляда.

— Ну... Тогда мы пойдем. Папа сейчас вернется от медсестры.

Виолетта развернулась и уже взялась за ручку двери, собираясь исчезнуть из моей жизни во второй раз. И тут я поймал себя на мысли, что перспектива ночевать там, где я обычно останавливался в этом городе, вдруг стала казаться совершенно невыносимой.

— Виолетта, подождите.

Она настороженно обернулась.

— Раз уж вы местная... Возможно, вы сможете меня проконсультировать. Можете посоветовать какой-нибудь приличный отель? Мне нужно заселиться на неделю. А то, простите за выражение, в последние разы те места, где я останавливался, были форменными клоповниками.

Виолетта моргнула, а потом вдруг звонко рассмеялась.

— Боюсь вас расстроить, Григорий Васильевич, но эти «клоповники» — скорее всего, лучшее, что у нас нашлось. Это не Москва и не Эмираты. Отелей с пятью звездами тут не водится. Вам лучше снять квартиру посуточно. Это будет самый лучший вариант.

— Думаете?

— Уверена на двести процентов.

— Ясно. Значит, придется снова довольствоваться клоповником. Искать квартиру, обзывать хозяев и ездить на просмотры мне банально некогда. У меня полная запись, я закончу поздно вечером.

Глаза Виолетты внезапно загорелись. Она отпустила дверную ручку и сделала шаг обратно в кабинет.

— Я могу помочь! — оживилась она с таким энтузиазмом, будто я только что предложил ей выиграть в лотерею. — То есть, у меня все равно выходной. Могу найти вам нормальную квартиру, съездить всё проверить и привезти ключи прямо сюда.

Я посмотрел на нее с легким сомнением.

Доверить свой быт женщине, которая способна устроить скандал на ровном месте из-за фразы на приеме? С другой стороны, альтернативой были продавленные матрасы и сомнительное постельное белье в местной гостинице «Заря».

— Если вам не сложно...

— Ни капли! Вы спасли мою половую жизнь. И не только ее. Найти вам чистую кровать — это вообще малое, что я могу сделать в ответ!

Формулировки Ланской всегда балансировали где-то на грани здравого смысла и фола.

— Вы за мою работу щедро заплатили в кассу клиники, смею вам напомнить.

— Деньги — это бездушно! — отмахнулась она, доставая из кармана кардигана телефон. — А это — личная благодарность. Давайте ваш номер, напишу, как только будут варианты. Диктуйте.

Виолетта быстро вбила цифры, деловито кивнула мне и скрылась в коридоре, пообещав обязательно написать.

Именно в этот момент я должен был осознать, что совершил огромную, просто фатальную ошибку.

Потому что, как оказалось в скором времени, Виолетта Ланская совершенно не знала полумер ни в чем.

К восьми часам вечера, когда я, выжатый как лимон после тридцати пациентов, наконец-то снял халат и достал телефон из кармана, экран призывно светился.

Я разблокировал аппарат.

От нее было ровно шестьдесят сообщений.

Глава 13

Григорий

Квартира, порог которой мы переступили полчаса назад, оказалась неплохой. Я бы даже сказал — отличной. Просторная студия в новом доме, свежий минималистичный ремонт, никаких советских ковров на стенах, запаха нафталина и продавленных диванов, которые я морально готовился увидеть.

— Выбирала поближе к больнице, — сказала Виолетта, проходя вглубь комнаты. Она хозяйски окинула взглядом пространство и зачем-то поправила край идеально висящей шторы. — Были еще варианты, но вы не отвечали. А звонить я не стала, чтобы не отвлекать.

— Не мог ответить, потому что работал, — ровно произнес я, бросая дорожную сумку у входа. — У меня был сплошной поток пациентов.

— Я так и поняла.

Она развернулась ко мне. Повисла тишина.

Я снял пальто, повесил его в шкаф, ожидая, что сейчас она попрощается и уйдет. Но Виолетта не двигалась с места. Она стояла посреди гостиной, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела на меня своими огромными глазами.

И почему не уходит? Чего же ты ждешь, Виолетта?

Достал телефон, открыл банковское приложение и показал ей экран с подтверждением перевода.

— Я деньги вам перевел. За аренду и вашу комиссию как риелтора.

Она мельком взглянула на экран и кивнула.

Снова тишина. Она сунула руки в карманы своего кардигана.

— Что-то еще, Виолетта? — спросил я, чувствуя, как внутри начинает подниматься знакомое раздражение пополам с совершенно неуместным любопытством.

— Не хотите выпить?

— Что?

— Ну... мне скучно, — она пожала плечами с такой обезоруживающей небрежностью, будто мы были старыми друзьями, обсуждающими планы на вечер. — Выпить со мной не хотите? Я, кстати, вам ужин принесла. В холодильнике всё.

Перевел взгляд на зону кухни, затем снова на нее.

— Зачем?

Она вздохнула, будто объясняла очевидные вещи непонятливому ребенку.

— Подумала, вы будете голодным после работы. Прием до восьми, пока доедете, пока заселитесь... Кафе тут рядом нормальных нет, доставка долгая. Ну и...

— Голодный, но не стоило так утруждаться.

— Просто скажите «спасибо».

— Спасибо.

— Не за что, — она довольно улыбнулась.

Стоит. Ждет.

— Чего вы хотите, Виолетта?

— Выпить. Я же сказала. У вас проблемы с восприятием речи на слух?

— С восприятием у меня всё в порядке. У меня проблемы с пониманием вашей логики. Вы находитесь в закрытой квартире с малознакомым мужчиной. Вечером. И предлагаете ему выпить.

— Вы не малознакомый мужчина. Вы мой врач. Вы видели меня в таком состоянии, в котором меня даже собственная мать не видела. Какая уж тут недосказанность?

— В кабинете я — врач, а здесь, Виолетта Максимовна, я просто мужчина. Уставший, голодный мужчина на чужой территории. И я не ваш друг, чтобы скрашивать вам скуку под вино.

Ее улыбка слегка померкла.

Она слотнула, и я заметил, как ее пальцы нервно сжали ткань кардигана.

Я ждал, что сейчас она смутится, покраснеет, как это было в Москве, буркнет извинения и сбежит.

Но это была Ланская. Женщина, у которой инстинкт самосохранения работал с серьезными перебоями.

— А вы что, маньяк?

— Нет.

— Приставать ко мне будете?

— И в мыслях не было.

— Ну вот и отлично, — она решительно прошла мимо меня на кухню. Открыла холодильник и достала оттуда два пластиковых контейнера и бутылку красного сухого. — Тогда мойте руки, Григорий Васильевич. Там мамин борщ, домашние котлеты и пюре. И если вы сейчас откажетесь из-за своих непробиваемых личных границ, я сочту это личным оскорблением.

Я смотрел на ее спину, на то, как она деловито ищет по ящикам штопор, и чувствовал себя так, словно меня только что снесло ураганом.

Ольга, моя бывшая, однажды устроила мне истерику из-за того, что я не захотел нарушать свои правила.

Большинство женщин предпочитали либо подстраиваться под мой холодный тон, либо уходить в закат.

А Виолетта Ланская просто привезла мне маминых котлет и внаглую осталась в моей временной квартире.

— Один бокал и вы едете домой.

Она победно улыбнулась, ловко вкручивая штопор в пробку.

— Договорились, доктор. Мойте руки. И тарелки достаньте, они в верхнем шкафчике.

Я пошел в ванную, включил ледяную воду и долго смотрел на себя в зеркало.

Держи дистанцию. Она твоя пациентка. Она ходячий хаос. И она тебе категорически не подходит.

Глава 14

Виолетта

Сама не понимаю, что творю.

Зачем я притащила сюда этот ужин?

Зачем купила вино и, главное, с какого перепугу настояла на том, чтобы остаться?

У меня определенно проблемы с головой, и это уже не лечится ромашкой и отдыхом. Интересно, а Разумовский может посоветовать хорошего мозгоправа?

Да, именно мозгоправа, чтобы жестко и профессионально вправил мне мозги на место.

Егор звонил сегодня несколько раз. Я лишь сбрасывала вызовы, в итоге написала дежурное сообщение, что занята и перезвоню позже. И, естественно, так и не перезвонила.

Вместо того чтобы общаться с нормальным, адекватным мужчиной, который мне искренне нравится, я сижу на кухне в съемной квартире со своим лечащим врачом, пью вино и пялюсь на то, как он ест.

А ест он, к слову, абсолютно нормально. Как обычный, живой мужчина. Никаких тебе оттопыренных мизинчиков, манерных вздохов и пережевывания листа салата по сорок минут.

Хотя, признаться честно, в его кабинете я именно так его себе и представляла — человеком, который питается исключительно эстетикой и воздухом.

Перед тем как сесть за стол, Григорий Васильевич переоделся. Обычная темно-синяя футболка, спортивные штаны. Без своего идеального костюма и врачебного халата он вдруг стал похож на простого земного мужика, а не на божество, в ранг которого я успела его возвести в своей дурной голове. И главное — казалось бы, за что? У меня ведь было много парней...

Так, стоп.

Формулировка так себе.

Я знала много мужчин...

Блин, звучит еще более двусмысленно, учитывая мой недавний анамнез.

— Виолетта, вам не пора? — вдруг спрашивает Разумовский.

От неожиданности вздрагиваю и едва не падаю со стула. Задумалась слишком глубоко.

— Нет, — выпаливаю раньше, чем успеваю включить фильтр здравого смысла.

Он откладывает вилку. Склоняет голову набок. Молчит и просто смотрит на меня своими невыносимыми, пронизательными зелеными глазами. В его взгляде нет ни раздражения, ни насмешки. Только тяжелое, внимательное ожидание, от которого по спине бегут мурашки.

— Мы договаривались на один бокал, — спокойно напоминает он, кивнув на мою полупустую посуду. — И на то, что после него вы едете домой.

— А я медленно пью, — демонстративно делаю микроскопический глоток. — К тому же, я должна была убедиться, что вы доели. Мама мне не простит, если столичный гость останется голодным.

— Столичный гость сыт и безмерно благодарен вашей маме за кулинарные шедевры, но мы оба прекрасно понимаем, что дело не в котлетах.

Ставлю бокал на стол. Сердце почему-то начинает биться о ребра чуть быстрее.

— А в чем?

Он тяжело вздыхает, откидываясь на спинку стула. В этой простой синей футболке его плечи кажутся еще шире, а сам он — как-то опаснее, чем в клинике. Там нас разделял стол и медицинская этика. А здесь нас разделяет только пара тарелок и бутылка красного сухого.

— В том, что вы играете с огнем, Виолетта Максимовна. Вы приехали сюда, чтобы сбежать от неловкости, а теперь сами же эту неловкость искусственно создаете. Зачем? Пытаетесь доказать мне, что вас не смущает мое общество? Или пытаетесь доказать это себе?

Попал. Как всегда, прямо в десятку. Этот его талант читать людей бесит меня почти так же сильно, как и привлекает.

— Может, мне просто не хочется сидеть одной в своей старой детской комнате и вообще, вы первый начали. Если бы вы не вели себя как... как нормальный человек, я бы давно ушла.

— Я веду себя как нормальный человек? — уголок его губ едва заметно дергается вверх. — Буквально недавно вы на весь отель обвиняли меня в гнильце и непрофессионализме.

— Я уже признала, что была неправа! — вспыхиваю. — И извинилась!

— Ваша манера извиняться включает в себя незаконное вторжение на чужую жилплощадь и спонсирование меня алкоголем?

— Моя манера включает в себя попытку загладить вину, — подпираю подбородок рукой и смотрю ему прямо в глаза, решив идти до конца. — Григорий Васильевич. Вы же тоже не выгоняете меня взащей. Хотя могли бы. Вы же мастер выстраивать стены. Почему не выставили меня за дверь еще полчаса назад?

Он замолкает.

Смотрит на меня. Долго.

— Потому что, — наконец произносит он своим бархатным тоном, от которого у меня перехватывает дыхание, — иногда даже моим границам нужен выходной.

Замираю.

— Но это не значит, — тут же добавляет он, разрушая магию момента, — что вам стоит проверять их на прочность.

Пропускаю его предупреждение мимо ушей. Сейчас, когда он сидит напротив — ослабленный, в этой домашней футболке, — мне хочется рискнуть.

Чуть подаюсь вперед.

— Почему дерматолог?

Он смотрит на меня пару секунд. Затем медленно, словно издеваясь, ставит локти на стол и подпирает подбородок, копируя мою позу.

Я едва не смеюсь.

— А почему радио?

— Потому что у меня хороший слог и быстрая генерация мыслей.

— Потому что могу, — отвечает, отпуская лицо, и небрежно откидывается на стуле.

Фыркаю.

— Это не ответ. Вы же могли быть, например, терапевтом. Или гинекологом. Стоматологам вообще платят хорошо.

Он даже бровью не ведет.

— Размер зарплаты зависит от места, где ты работаешь, Виолетта, а не от выбора профессии.

— А вы сколько зарабатываете?

Разумовский замолкает. Он тоже прищуривается, и его зеленые глаза сканируют мое лицо с каким-то новым, почти опасным интересом.

— Прощупываете почву?

— Оцениваю рентабельность своего риелторского подвига, — не моргнув глазом, вру, хотя щеки предательски теплеют. — Должна же я знать, сможет ли мой квартирант оплатить следующие сутки, если решит задержаться, или мне придется выбивать долг натурой.

Его брови ползут вверх.

— Натурой? Вы сейчас серьезно, Ланская?

— Исключительно в виде бесплатных консультаций, Григорий Васильевич. А вы о чем подумали?

Он усмехается.

— Поверьте, Виолетта, я смогу оплатить эту квартиру, даже если решу выкупить ее целиком вместе с этим столом.

Делаю глоток вина, не сводя с него глаз.

— Вы так и не ответили. Почему кожа? Не хирургия, не кардиология, где каждый день спасают жизни под драматичную музыку, а дерматология?

— Кожа — это самый честный орган. Она ничего не скрывает. Если внутри у человека стресс, инфекция, генетический сбой или чужая глупость — кожа покажет это первой. Она принимает на себя все удары: и снаружи, и изнутри. Люди часто ее ненавидят за это. Пытаются замазать, содрать, спрятать. А ее нужно просто уметь читать.

Слушаю его и понимаю, что перестала дышать.

— Звучит... поэтично. Почти как тост.

— Это не поэзия, это физиология и ваш бокал пуст.

Он выразительно смотрит на пузатое стекло перед моими руками.

Намек понят. Карета превращается в тыкву, а домашний Разумовский — обратно в сурового доктора.

— Значит, мне действительно пора, — со вздохом поднимаюсь со стула.

Он встает следом.

— Я вызову вам такси.

— Не нужно, я на машине, Григорий Васильевич. Тут ехать десять минут.

— Вы пили вино. Вы никуда не поедете за рулем. Я вызову такси.

— Я выпила один бокал!

— Виолетта.

Ох, этот его голос. Он произносит мое имя так, что спорить становится физически невозможно. Я молча киваю и иду в коридор.

Он идет следом. Пока я обуваюсь, Разумовский достает телефон. Затем открывает шкаф и достает мое пальто.

Замираю. Он держит его на весу, ожидая. Поворачиваюсь к нему спиной и просовываю руки в рукава. Он стоит так близко, что я чувствую тепло его тела и едва уловимый запах его парфюма.

Мой затылок буквально горит от его взгляда.

Он не убирает руки сразу. На какую-то долю секунды его пальцы задерживаются на моих плечах. Просто тяжелое, теплое касание сквозь ткань пальто.

— Машина подъехала. Белая «Киа Рио», номер 482, — его голос звучит прямо над моим ухом.

Я резко оборачиваюсь. Мы оказываемся лицом к лицу. Слишком близко для врача и пациентки. Слишком близко для двух людей, которые утверждают, что между ними только медицинская этика.

Григорий медленно поднимает руку, и его большой палец невесомо проводит по моей нижней губе.

Вижу, как он аж дышать перестает.

Мое собственное сердце ухает куда-то вниз, в район желудка, и начинает биться там в глухой истерике.

— Не делайте так больше.

Я непонимающе моргаю.

— Как? — вопрос озвучиваю на выдохе, мое дыхание окончательно сбивается.

Он наклоняется еще ближе.

Его лицо так близко, что он едва не касается моих губ, и мне кажется, что я сейчас потеряю сознание от напряжения. Уже закрываю глаза, готовая сдаться этому моменту, но...

Поцелуя не происходит.

— Вы — хаос, Виолетта. Яркий, шумный, неконтролируемый хаос. Вы врываетесь, смегаете всё на своем пути и даже не замечаете этого. А моя жизнь подчинена строгому порядку. У меня есть правила, которые я не намерен менять ни ради кого. Вы мне абсолютно не подходите. Поэтому давайте договоримся: мы больше не пересекаемся. Не появляйтесь больше в моей личной жизни. Нам с вами совершенно не по пути.

Замираю.

Внутри что-то болезненно сжимается от унижения.

Он только что практически отверг меня, хотя я даже не успела ничего предложить! Напряжение ситуации настолько велико, что моя нервная система выбирает самую дурацкую, самую защитную реакцию из всех возможных.

Я вдруг нервно смеюсь. Прямо ему в лицо.

— Вы что, «Сумерки» пересмотрели? — выдавливаю сквозь смехок, отступая на шаг назад и вжимаясь лопатками во входную дверь.

Он хмурится. Между его идеальными бровями тут же залегает глубокая складка. Вся магия момента разлетается вдребезги, словно кто-то включил в комнате слепящий больничный свет.

— Простите?

— «Я опасен для тебя, Белла». Seriously, Григорий Васильевич? Я вам просто котлеты привезла и квартиру помогла снять, а вы мне тут толкаете речь, будто я просила вашей руки, сердца и прописки у вас на кухне.

Он смотрит на меня так, словно я инопланетянка.

— Я говорю с вами абсолютно серьезно, Ланская и пытаюсь быть с вами честным.

— А я честно вызываю вам скорую, потому что у вас передозировка пафосом, — парирую я. Обида всё-таки прорывается наружу, делая мой голос резче. Нащупываю за спиной ручку двери. — Не переживайте, доктор. Я не собиралась брать вашу стерильную коробочку штурмом. Мои границы тоже, знаете ли, не резиновые, и мужчины, которые шарахаются от живых людей, мне не сдались.

Толкаю дверь спиной.

— Борщ можете оставить себе. Контейнеры не возвращайте, просто выбросьте. Как и этот разговор. Спокойной ночи, Григорий Васильевич.

Он не произносит ни слова. Просто стоит посреди прихожей — невыносимо красивый и абсолютно чужой.

Выскальзываю на лестничную клетку.

Спускаюсь по лестнице пешком, игнорируя лифт. Мне нужно движение, чтобы не разрыдаться от банального, чисто женского уязвленного самолюбия. Губа, по которой он только что провел пальцем, горит так, словно у меня там новый химический ожог.

«Вы мне абсолютно не подходите».

Надо же.

А ведь еще две минуты назад на той кухне мне казалось, что его глаза кричали совершенно о другом. Но он прав. Я — хаос, а он — человек-инструкция. И тот факт, что меня тянет к нему, как магнитом, говорит только о том, что мне пора серьезно лечить не только кожу, но и голову.

На улице меня ждет белая «Киа». Я плюхаюсь на заднее сиденье, называю водителю адрес родителей и отворачиваюсь к окну.

Всю дорогу смотрю на мелькающие фонари родного города и пытаюсь заставить свое сердце биться ровно.

Достаю из кармана телефон. В уведомлениях висит сообщение от Егора, которое я проигнорировала несколько часов назад.

«Как дела в провинции? Спасает мир или просто отдыхаешь?»

Смотрю на светящийся экран.

Вот он — нормальный мужчина. Без заморочек, без драм в стиле вампирских саг и уни-
зительных отповедей.

Мужчина, с которым легко и понятно.

«*И то, и другое*», — быстро печатаю ответ, решительно стирая из памяти зеленые глаза
Разумовского. — «*Завтра возвращаюсь в Москву. Увидимся?*»

«*Обязательно. Жду*».

Глава 15

Виолетта

— Вилочка, ну куда ты срываешься? — мама стояла на крыльце, кутаясь в пуховую шаль, и смотрела на меня с таким укором, будто я оставляла ее в осажденном городе. — Только приехала, толком не погостила! Останься еще на немного. Папа баню вечером истопит, Сашка с Леной обещали заехать... Выходные же!

— Мам, мне правда пора, — я со вздохом забросила дорожную сумку на заднее сиденье своей машины. — У нас на радио форс-мажор, Лерка там одна зашивается. Подкасты сами себя не смонтируют.

Это была наглая, бессовестная ложь.

Лера приказала мне отдыхать минимум до понедельника, но оставаться здесь я физически не могла. Город у нас крошечный. Три приличных магазина, одна центральная площадь и поликлиника. Если я останусь, вероятность того, что я столкнусь с Разумовским у какого-нибудь стеллажа с макаронами, стремится к ста процентам.

А после вчерашнего моего позорного бегства из его съемной квартиры, после его ледяного «вы мне абсолютно не подходите», я предпочла бы встретиться с медведем в лесу, чем с Григорием Васильевичем на узкой улице.

Мне нужно было уехать.

Сбежать.

Вернуться в Москву, нырнуть с головой в работу, сходить на нормальное свидание с Егором и забыть этого надменного столичного сноба, как страшный сон.

— Ну смотри, дело твое, — вздохнула мама, подходя ближе и целуя меня в щеку. — Еды я тебе в контейнеры положила. Пирог на переднем сиденье. На трассе будь осторожнее, там после дождей ямы одни.

— Буду, мам. Пока, пап! — махнула отцу, который ковырялся у ворот.

Вырулив со двора, я включила музыку погромче и вдавила педаль газа.

Всё. Курс на Москву. Курс на спокойную жизнь.

Трасса действительно оставляла желать лучшего.

Наш местный асфальт сходил весной вместе со снегом, а к осени превращался в полосу препятствий для танков.

Я лавировала между колдобинами на привычном автопилоте, подпевая радио и радуясь, что успела выскочить до утренних пробок на выезде из области.

Отъехала от города километров на двадцать, когда увидела впереди на обочине машину.

Дорогуший, матово-черный джип, который на нашей убитой дороге смотрелся как космолет на картофельном поле. У машины мигала аварийка, а возле правого переднего колеса, наклонившись, крутилась знакомая фигура.

Широкие плечи, темные волосы, черная куртка.

Я резко ударила по тормозам.

Да ладно. Серьезно?! Он же собирался остаться на целую неделю! Какого черта он делает на трассе утром?

Мой внутренний голос кричал: «Жми на газ, Виолетта! Просто проезжай мимо! Ты его не видела!». Но нога сама перенеслась на педаль тормоза, и моя машина плавно остановилась в паре метров от его бампера.

Я опустила стекло.

— Нужна помощь?

Григорий резко обернулся.

Его лицо было мрачнее грозовой тучи. Глаза сузились, когда он узнал меня, а челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Случайно номера эвакуатора нет? — спросил он вместо приветствия.

Я заглушила мотор и вышла из машины. Обошла его джип и присвистнула. Правое переднее колесо было разорвано в клочья, а литой диск погнут так, словно он наехал на противотанковую мину.

— Ничего себе вы ямку поймали, а поменять сами не можете? Запаски нет?

— Если бы мог, не просил бы номер, — прорычал он, выпрямляясь. Он был зол. Нет, он был в абсолютном, концентрированном бешенстве, которое сдерживал из последних сил.

— Нету у нас тут эвакуаторов. Точнее, он один. Дядя Вася. Но он вряд ли к вам поедет. Он за такую дорогую машину не возьмется, побоится поцарапать. Если не умеете колеса менять, так бы и сказали...

— Сука.

Он резко дернул головой, как-то странно, будто у него свело шею, и поморщился. В этот момент ворот его куртки чуть сдвинулся, и я увидела на его коже жуткий, багрово-красный след.

Вся моя язвительность мгновенно испарилась.

— У вас всё нормально?

— Просто великолепно. Езжайте, куда ехали, Ланская, — он отвернулся от меня, открыл пассажирскую дверь своего джипа и опустил на сиденье, тяжело дыша.

— Я могу позвонить брату, он приедет с нормальным домкратом и всё сделает, если вы...

Я осеклась.

Разумовский, сидя боком на сиденье, начал судорожно расстегивать куртку, а затем и рубашку под ней. Его пальцы двигались резко, дергано. Он наклонился, отшелкнул бардачок, достал оттуда спиртовые салфетки, быстро протер руки, а следом вытащил какую-то медицинскую баночку.

Рубашка разошлась на его груди, и я охнула.

О, боже. Что это?

Через всю его шею, ключицу и широкую грудь наискосок тянулась жуткая, ярко-красная, вздутая полоса.

Она выглядела так, словно его со всей силы ударили раскаленным хлыстом. Кожа вокруг пылала, отекала и явно причиняла ему невыносимую боль.

— Что это такое?

Он резко повернул голову в мою сторону. В его зеленых глазах плескалась дикая смесь боли и ярости.

— Я не по-русски говорю? Свали нахрен!

Я аж задохнулась от возмущения. Страх за него мгновенно сменился гневом.

— Ты совсем берега попутал, Разумовский?! Я тебе сейчас так нахрен свалю, всю жизнь меня вспоминать будешь! Давай сюда, тебе не видно и неудобно!

Бесцеремонно нырнула руками вперед и выхватила баночку с мазью прямо из его пальцев.

— Не нужно, я сам! — рыкнул он, попытавшись перехватить мою руку, но поморщился от боли.

— Сам с усам, да не достанешь там! «Я сам» ты будешь у себя в квартире говорить, а тут тебе даже угол обзора не позволяет нормально намазать!

Мы смотрели друг на друга в упор: я — с бешеной решимостью, он — с бессильным раздражением человека, чье тело его предало.

Наконец он закатил глаза, глубоко выдохнул и молча протянул мне новую спиртовую салфетку.

Я быстро и тщательно протерла пальцы.

— Не дави и очень нежно наноси. Едва касаясь. Поняла?

— Поняла.

Зачерпнула немного прохладной мази и встала между его разведенных коленей, чтобы дотянуться.

Сделала глубокий вдох и очень осторожно, буквально невесомо, прикоснулась подушечками пальцев к пылающей коже на его ключице.

Разумовский вздрогнул.

Его кадык дернулся, а голова запрокинулась еще сильнее.

Он едва не закатил глаза от контраста между болью и облегчением, которое приносила мазь.

— Это что такое? — прошептала, медленно ведя пальцами вниз, вдоль страшной красной полосы на его рельефных мышцах.

— Ремень безопасности. Какой-то урод на встречу вылетел при обгоне. Пришлось резко уходить на обочину, поэтому и в яму въехал. Сработало экстренное торможение, преднатяжитель... ремень врезался в грудь.

Я замерла, осознав, что он мог вообще разбиться насмерть из-за какого-то лихача, и рука у меня чуть дрогнула.

— Он у вас огненный, что ли, этот ремень? Это похоже на ожог.

— И ощущается так же.

Несколько минут мы молчали.

Я была полностью сосредоточена на том, чтобы не причинить ему лишней боли. Мои пальцы скользили по его груди, шее.

И если бы обстоятельства были другими, я бы, наверное, умерла от смущения, стоя между ног у мужчины, который вчера меня отверг. Но сейчас мне было не до этого.

— Закончила, — наконец сказала я, отнимая руки.

— Везде прошла?

— Да.

— Точно? — он медленно приоткрыл один глаз и выгнул бровь с тем самым фирменным, снисходительным выражением.

— Точно.

— Спасибо.

Он открыл глаза полностью, выпрямился и начал осторожно, стараясь не задевать кожу, застегивать рубашку.

А я всё так же стояла, почти прижавшись к его коленям. В пространстве между открытой дверью джипа и салоном было слишком мало места.

Разумовский застегнул последнюю пуговицу, опустил руки и поднял на меня взгляд.

— Я сказал спасибо, Виолетта. Можешь отойти от меня.

— Да больно-то и хотелось находиться рядом с вами! — я резко отшатнулась.

Он усмехнулся.

— Оно и видно. Поэтому ты меня преследуешь?

— Я просто проезжала мимо! Увидела знакомую машину и решила помочь из чистого гуманизма. И вообще, с каких пор мы на «ты» уже?

Он спокойно потянулся к бардачку, закрыл его и снова посмотрел на меня своим невыносимым, пронзительным взглядом.

— С тех пор, как я послал тебя нахрен, а ты отказалась уходить, Виолетта, по-моему, это достаточное основание.

— Ну, запаской тут не обойдешься. Дыску хана, рычаг тоже, похоже, погнуло. Надо дядю Васю с его эвакуатором вызванивать и тащить в сервис к Петровичу, — выносит вердикт брат.

— Я не могу ждать эвакуатор. Мне срочно нужно быть в Москве. Завтра утром важная конференция, а у меня еще материалы не готовы.

Сашка пожимает плечами.

— Без проблем. Оставляйте ключи мне. Я всё организую, оттащим к Петровичу на базу. Территория там закрытая, собаки злые. Как всё сделают, ключи на колесе под аркой оставят, я вам маякну, приедете и заберете. А в Москву вас Вилка подбросит, ей всё равно в ту сторону.

Григорий переводит взгляд на меня.

В его глазах читается явная борьба между гордостью и острой нехваткой времени. Гордость предсказуемо проигрывает.

Уже через десять минут мы вырुливаем на трассу. Сашка остается с пострадавшим космолетом Разумовского, а сам Разумовский сидит на пассажирском сиденье моей машины.

Григорий чуть откинул спинку кресла, закрыл глаза и, кажется, задремал.

Лицо у него бледное, напряжение на скулах немного спало, но дышит он всё равно тяжело — видимо, боль до конца не отступила.

Я еду ровно, стараясь объезжать даже мелкие кочки, чтобы его не трясло. А сама то и дело кошусь на свой ремень безопасности.

Смотрю на него. Потом на свою ключицу.

Ну как так? Обычная ткань. Гладкая, прочная. Как она могла оставить такой след, будто его кнутом исполосовали?

Я чуть ерзаю на сиденье.

Беру ремень левой рукой и начинаю тереть его о свою шею. Туда-сюда. С нажимом. Дергаю. Тру сильнее. Кожа немного краснеет от трения, но ничего подобного тому ужасу, что краснеет на груди Разумовского, не происходит.

Тру еще раз, усерднее, пытаюсь воссоздать угол наклона.

— Ты чего делаешь? — вдруг раздается хриплый, усталый голос.

Я вздрагиваю и бросаю ремень.

Григорий не спит. Он чуть приоткрыл один глаз и наблюдает за моими странными манипуляциями с выражением легкого недоумения.

— Пытаюсь понять, как у вас так вышло.

Он усмехается.

— Не старайся, не получится. У тебя с кожей всё нормально. У меня же... она нежнее.

Не сдерживаюсь и выразительно закатываю глаза.

— Это как? Кожа младенца, что ли?

— Уртикарный дермографизм. Симптоматический.

Я на секунду зависаю, переваривая набор букв.

— Это что еще за срань?

К моему удивлению, Разумовский начинает смеяться.

— В медицинской карте это звучит чуть иначе, Виолетта, но суть ты уловила верно. Если простым языком — моя иммунная система работает как психованный охранник. Любое механическое давление, трение или удар заставляют тучные клетки выбрасывать гистамин в огромных количествах. Сосуды расширяются, плазма выходит в ткани. Там, где у тебя от ремня будет просто красная полоска, у меня образуется огромный, зудящий, горящий отек.

Я слушаю его, не отрывая взгляда от дороги, и в голове начинают крутиться шестеренки.

— Типо... ты хрустальный, что ли?

— Хрустальный — это другой диагноз, несовершенный остеогенез, там проблема в костях. А у меня кости целы. У меня кожа.

— Но ты же дерматолог! Ну так вылечи это и всё. Мазь там какую-нибудь сделай, таблетки выпей.

— Всё не так просто, Виолетта, — его голос звучит удивительно спокойно, без привычного высокомерия. Будто он объясняет сложную тему нерадивому студенту. — Это аутоиммунное. Сбой в базовых настройках организма. Нельзя просто помазать кремом и вылечить иммунитет. Можно только гасить симптомы. Антигистаминные препараты, блокаторы рецепторов, специальные базы... — он замолкает на секунду. — Мой друг, собирает для меня мази, которые хоть как-то блокируют этот пожар.

— То есть... — сглатываю. — Любое касание — и ты горишь?

— Не любое, а... Дай руку.

— Что? — кошусь на него.

— Дай правую руку. Дорога пустая, справишься одной.

Осторожно снимаю правую руку с руля и протягиваю ему над коробкой передач. Он берет ее так, как берут для рукопожатия.

— Сожми.

Я слегка сжимаю его пальцы.

— Сильнее.

Я хмурюсь и сжимаю руку крепче. У него твердая, мужская ладонь, и мое пожатие для него явно как укус комара.

— А теперь отпусти.

Я разжимаю пальцы. Григорий опускает свою руку и медленно поворачивает ее ладонью вниз, подставляя под утреннее солнце, бьющее в окно.

Бросаю быстрый взгляд на его кисть и у меня перехватывает дыхание.

Там, где секунду назад были мои пальцы, прямо на глазах начинает краснеть кожа. Она не просто краснеет — она вздувается. Три четкие, рельефные, горячие полосы от моих пальцев проступают на его кисти, словно я не сжала его руку, а прижгла ее утюгом.

— О, блин... — только и могу прошептать, чувствуя, как по спине бежит холодок.

— Именно, — спокойно говорит Разумовский, убирая руку на колено и снова закрывая глаза. — О, блин.

Глава 16

Гр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.